

ГРАНДМАСТЕР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЕВ

ЧЕЛОВЕК БОЯ

Общий тираж книг автора превысил 23 000 000 экземпляров

Катарсис

Василий Головачев

Человек боя

«ЭКСМО»

1998

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Головачев В. В.

Человек боя / В. В. Головачев — «Эксмо», 1998 — (Катарсис)

ISBN 978-5-699-92880-4

Командир оперативно-боевой группы «Витязь» полковник Егор Крутов — настоящая гроза террористов, боец без страха и упрека, умеющий в решающий момент мыслить, чувствовать и действовать быстрее и точнее самых высокочеловеческих профессионалов. За каждое такое вхождение в «состояние сверхвозможностей» приходится платить чрезвычайно высокую цену, безжалостно сжигая энергетику организма. И все же вернувшись домой на Брянщину Крутов вынужден грудью встать на защиту родных стен и превратиться в универсальную боевую машину, настроенную на уничтожение тех, кто реально угрожает жизни не только самых дорогих ему людей, но и всего человечества.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92880-4

© Головачев В. В., 1998
© Эксмо, 1998

Содержание

Джерах, Ингушетия	6
Тульская губерния	15
Москва	23
Брянская губерния	30
Деревня Ковали	36
Брянск – Жуковка	43
Ковали	47
Жуковский район	58
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Василий Васильевич Головачев

Человек боя

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Головачев В., 2016

© Оформление ООО «Издательство „Э“», 2016

Джерах, Ингушетия Крутов

Рация в ухе тихо шелкнула, пропуская бесплотный голос руководителя операции генерала Рюмина:

– Альфа, доложите обстановку.

– Все на местах, – отрывисто бросил Крутов; на нем был спецкостюм «киборг» со шлемом, не пропускающим звуки, который позволял держать связь со всеми членами группы в пределах двух километров.

– Начинайте, Альфа.

– Есть начинать. – Крутов бросил взгляд на экранчик органайзера – компьютерного координатора со схемой объекта, на котором высвечивалось положение бойцов группы, перешел на другую частоту. – Двинулись, орлы. На первом этаже – замереть!

Зеленые огоньки на экранчике органайзера пришли в движение. Оперативно-боевая группа «Витязь» антитеррористического управления Федеральной службы безопасности начала работу...

Горноклиматический курорт Джерах расположен в долине реки Армхи в Дайнахском ущелье, в тридцати шести километрах от столицы Ингушетии Назрани. Курорт занимает плато в так называемой Лунной долине (длина – восемнадцать километров, ширина в самой широкой части – десять) и окружен со всех сторон горами, склоны которых заросли сосново-буковым лесом. Сама долина покрыта смешанным лесом: граб, клен, сосна, бук, карагач, береза, – образующим дивные пейзажи. Санаторий «Джерах» располагается в северной части долины, на крутом берегу Армхи, и может принимать на лечение до трехсот пятидесяти больных туберкулезом. К началу описываемых событий он был заполнен едва ли наполовину, в основном – жителями Ингушетии, Ичкерии и Дагестана, хотя лечились здесь и люди из других закавказских государств и из глубины России, из городов Сибири и Крайнего Севера.

Банда чеченского полевого командира Бадиева, не подчинявшегося официальной власти в Грозном, на счету которой было около сотни похищений людей с целью выкупа и трех десятков разбойных нападений на поезда и автомашины, двадцатого июля скрытно перешла границу Ингушетии (опыт таких переходов имелся значительный) и захватила санаторий.

Утром двадцать первого долина была плотно окружена войсками МВД Ингушетии и бригадой российского ОМОНа. В середине дня Бадиев, объявивший «священный джихад всей России», потребовал снять блокаду, доставить ему десять миллионов долларов, освободить всех мусульман, «страдающих в застенках российских тюрем», и, чтобы показать серьезность своих притязаний, расстрелял двух заложников из числа русских, прибывших лечиться в санаторий с берегов Иртыша.

К середине двадцать второго июля войска МВД отступили, с бандитами начались переговоры, которые ни к чему не привели. Не помогло даже вмешательство чеченского президента, намекнувшего Бадиеву о законах шариата, по которым он мог стать отщепенцем, кровником могущественного чеченского клана власти. Бадиев продолжал требовать, чтобы ему немедленно доставили в ущелье указанную сумму и чтобы по телевидению выступил российский президент (ни много ни мало!) с заявлением об освобождении узников-чеченцев. После чего расстрелял еще двух заложников: русскую женщину и эскимоса. Ингушей и других братьев по горячей и мстительной крови он все-таки трогать не решался. И тогда пришел черед выхода на сцену антитеррористических подразделений силовых структур, созданных специальным указом президента России еще в девяносто шестом году. Наблюдатели подразделений из ФСБ, Минобороны и МВД прибыли в Джерах сразу же после захвата Бадиевым санатория,

но финальную часть операции по освобождению заложников доверили «Витязю» из управления АТ Федеральной службы безопасности, уже не раз доказавшему свою профпригодность в разных уголках страны, в том числе в Кавказском регионе...

Здание санатория было трехэтажным, старой постройки, с псевдоколоннадой по всему фасаду, лепниной, фестонами и широкими карнизами, по которым легко можно было взобраться на любой этаж и пролезть в окно. Однако Бадиев тоже понимал в этом толк и расставил охрану таким образом, чтобы стены санатория были видны как на ладони. Охранников наблюдатели Крутова насчитали двенадцать. Семеро занимали круговую оборону в круглых каменных беседках, расположенных вокруг основного корпуса санатория среди редких высоких сосен, четверо сторожили входы-выходы из здания, пятый удобно расположился на крыше. Все они были вооружены серьезно: автоматами, пистолетами и гранатометами, а сторож на крыше имел, кроме всего прочего, еще и пулемет. Наблюдатели докладывали, что видели даже минометы, словно Бадиев действительно собирался воевать «со всея Россией», но в данный момент минометы и прочее тяжелое вооружение, будь оно в наличии у банды, волновали Крутова меньше всего. Группа должна была снять часовых и просочиться в здание без малейшего шума, а внутри никакие минометы спасти Бадиева уже не могли... если только он не заметит бойцов спецназа и не начнет отстрел заложников, а этого допустить было нельзя.

Ночь, по счастью, выдалась темной, небо затянуло тучами, и продвижение группы заметить было трудно, даже имея спецоборудование, которого у Бадиева по докладам наблюдателей не было. Бойцы Крутова, одетые в «киборги», не пропускающие тепло, сливались с местностью и двигались в особом темпе, умело используя хиккими и готон-нодзюцу – технику передвижения и маскировки ниндзя, проверенную столетиями ее использования. За четверть часа они подобрались к часовым вплотную и замерли, доложив о готовности к броску.

Крутов, следивший за действиями группы по экранчику органайзера, сказал только одно слово:

– Дернули!

И бойцы «дернули», спустив скобы арбалетов. Семеро часовых первой линии охраны Бадиева, практически все находившиеся под наркотическим кайфом, умерли без единого звука.

– Вторая линия! – негромко бросил Крутов, сам смещаясь к углу одноэтажной столовой таким образом, чтобы его не увидел часовой на крыше основного корпуса. Снайперы группы давно держали пулеметчика на мушке, но Крутов хотел подстраховать их.

Он встал за стеной столовой, выходящей к реке, где его невозможно было увидеть со стороны санатория, прикрепил к стеклу окна специальный зажим со струнным стеклорезом и за несколько секунд вырезал круглую дыру диаметром в двадцать сантиметров. Просунул руку в дыру, нащупал шпингалет, открыл нижний запор окна. Затем тем же манером открыл верхний. Бесшумно распахнул створку окна, примерился и одним упруго-змеиным точным броском нырнул в окно, приземляясь внутри помещения перекатом с головы на ноги; в данном случае он не рисковал поднять шум, зная, что это окно принадлежит торцу коридорчика, пронизывающего столовую. Однако после прыжка Крутов не бросился к лестнице с люком на крышу, а присел и замер, прислушиваясь к *пустоте*, как учил его первый учитель боевых искусств, мастер кунгфу, и был вознагражден, вдруг почувствовав *шевеление* в глубине столовой и ощутив холодящий кожу вдоль позвоночника «ветерок смерти».

Бадиев подстраховался-таки, установив пост и здесь, хотя наблюдатели уверяли, что столовая пуста, никто в нее после восьми часов вечера не входил.

Крутов снял шлем, чтобы тот не экранировал тонкие поля и излучения, снова ушел в пустоту, сканируя окружающий мир обострившейся чувственной сферой. Тишина перестала быть абсолютной, внутренности столовой зашептались тихими призрачными голосами, мрак протаял многоцветьем бордовых и коричневых тонов инфракрасного спектра. Такое изменен-

ное состояние сознания было частью боевого транса, и Крутов давно привык к тому, что он владеет экстрасенсорикой наравне с известными целителями, но применял свое умение не в пример реже.

Их оказалось двое – засадных сторожей Бадужева, и оба сидели на кухне, выходящей окнами к единственной дороге, которая вела по-над речным обрывом к центральному корпусу санатория. Любая попытка федеральных сил атаковать курорт со стороны горного склона и леса была бы этими парнями пресечена в два счета, потому что у них, кроме автоматов, были еще и пулеметы, в том числе один крупнокалиберный, и гранатометы. Единственное, чего не учел Бадуев, устраивая скрытый пост в столовой, так это подготовки профессионалов «Витязя», работающих против него. А еще он не мог учесть и пристрастий своих людей: оба пулеметчика хотя и несли дежурство, тихо сидя в удобных креслах у окон, но были в сильном подпитии и адекватно реагировать на происходящее не могли. Во всяком случае, атаку спецназовцев на первую линию охраны санатория они не заметили, а также дали возможность Крутову вовремя их почувствовать и обнаружить.

Взмолившись, чтобы не заработала рация в оставленном в коридорчике шлеме, Крутов прокрался к двери на кухню, не запертую ни снаружи, ни изнутри (так болваны и прокалываются!), приоткрыл ее по миллиметру, осторожно, без дыхания, рассмотрел обоих боевиков Бадужева, сидевших в расслабленных позах у окон помещения, по которому витали не слишком аппетитные запахи. Один из парней, с повязкой на лбу, булькая, допил бутылку пива, со стуком поставил ее на пол, закурил, пренебрежительным жестом отвечая на недовольное ворчание напарника. И в этот момент Крутов прыгнул вперед, огибая длинный стол с посудой и огромную плиту с кастрюлями и чанами. Туго свистнул в ушах ветер. Сброшенная воздушной волной от движения полковника крышка одной из кастрюль плавно полетела на пол, но еще до того, как она упала, Крутов воткнул в шею одного из охранников кинжал и поворотом кисти метнул звездочку сюррикэна в лоб второму, привставшему из кресла с автоматом в руках. Боевик издал удивленное «х-ха!» и осел обратно в кресло. Его напарник с кинжалом в шее дернулся пару раз и затих. И лишь после этого загремела по плиточному полу кухни упавшая крышка кастрюли. Крутов наступил на нее ногой, наступила тишина.

Откуда-то прилетел тихий стеклянный шелчок.

Полковник метнулся назад, чувствуя, как руки и ноги от пережитого напряжения становятся ватными, а лицо заливают пот, подхватил с пола шлем.

– Альфа, почему молчите? – принесла рация шлема голос командира операции.

– Все в порядке, идем дальше, – доложил Крутов. Отключил рацию и несколько секунд постоял, опираясь о стену, приходя в себя, потом рысцой направился в конец коридора, к лестнице на крышу. Вскоре он высунул голову в слуховое окошко на чердаке столовой и разглядел на плоской крыше санатория квадратную башенку воздуховода, возле которой за мешками с песком расположился пулеметчик. Его голова с биноклем у глаз изредка появлялась над бруствером гнезда и тут же исчезала, часовой бдил. Но он больше обращал внимание на дорогу и на реку, чем на то, что делается у него под носом.

– Внимание! – проговорил Крутов, высовывая ствол своего снайперского комплекса в окошко и устраиваясь со всеми возможными в его положении удобствами. – Работаем по вертикали!

На темно-зеленом фоне ночного неба (таким был его цвет сквозь ночной прицел) появилось более светлое пятно – голова часового, и Крутов плавно потянул курок «винтореза».

Светлое пятно в окуляре исчезло. Получив две пули в голову одновременно (снайпер команды тоже знал свое дело и не промазал), часовой умер мгновенно. Остальные спецназовцы, подкрававшиеся к санаторию вплотную, в течение нескольких секунд взобрались на карнизы первого этажа и проникли в здание, не нарушив сонной тишины курорта. Последним в корпус пробрался Крутов, которому понадобились две минуты, чтобы вылезти из столовой

и добежать до громады здания, внутри которого слышались голоса и музыка: бандиты были уверены в своей неуязвимости и отдыхали от «трудов праведных».

Очувтившись в одной из спален, Крутов глянул на экранчик органайзера и удовлетворенно кивнул сам себе. Операция развивалась точно по плану, все десять человек ударной группы заняли свои места согласно первому варианту захвата санатория. Можно было реализовать следующий этап операции, для чего спецназовцы должны были оставить на местах огнестрельное оружие и приготовить холодное: ножи, кинжалы, метательные пластины и стрелы. Во избежание потерь среди заложников дальше группа собиралась начать бесшумный «бой теней», то есть взять бандитов без стрельбы.

– В ножи! – тихо приказал Крутов, снимая с себя «винторез» и доставая из петли на поясе отечественный пистолет «бердыш». И в это время с хрипом заговорила в ухе рация:

– Альфа, отбой! Всем вернуться на исходные позиции! Немедленно отойти! Как слышишь, Альфа? Отбой!

– Слышу, – после длинной паузы удивления и гнева процедил сквозь зубы Крутов, унимая рванувшееся сердце. – В чем дело?

– Дуй назад, полковник! – прошипела рация. – Получен приказ, понял? Отбой захвату! Завтра пойдут переговоры. Выполняй!

– Не могу, – после еще одной паузы сказал Крутов. – Ребята уже пошли вперед. Начну отступать – положу всех!

Рация выдала порцию мата и слюны генерала Рюмина, но Крутов выключил ее, не дослушав командира. Ему памятен был случай в Буденновске со штурмом больницы, когда бойцы «Альфы» просочились на первый этаж здания и готовы были покончить с бандой Басаева втихую, ножами, но получили приказ вернуться и вынуждены были отступить, потеряв при этом людей. Кто-то в верхах перепугался последствий штурма и решил перестраховаться таким образом, прекрасно понимая, что он-то не рискует в этом случае ничем, ни жизнью, ни карьерой. А приказ об отступлении по сути явился настоящим предательством по отношению к профессионалам, особенно погибшим из-за него. Своих «витязей» Крутов терять не хотел.

– Двинулись! – бросил он команду подчиненным и добавил, хотя это было и не нужно: – Парами!

Бойцы группы и без того понимали преимущества подстраховки в такого рода операциях.

Двинулся чистить свою часть здания от боевиков Бадиева и полковник, предварительно освободившись от «киборга», максимально облегчив костюм. На нем осталось лишь черное трико и шапочка, оставлявшая открытыми глаза. Из оружия Крутов взял с собой два тонких толедских стилета, африканский кинжал листовидной формы, хорошо сбалансированный, приспособленный для метания, а также сюрикэны – звезды и стрелки, коими владел виртуозно, попадая в пятак с расстояния в пятнадцать-двадцать метров. О приказе отступить он думать перестал, хотя знал, чем рискует в случае неудачи.

Состояние *пустоты* пришло автоматически, как только воля сконцентрировалась на решении боевой задачи. Полковник Егор Крутов тридцати пяти лет от роду, командир оперативно-боевой группы «Витязь» антитеррористического управления ФСБ, превратился в боевую машину, реагирующую адекватно воздействию извне и не допускающую ошибок. Такое состояние – мусин, состояние боевого транса, требовало очень большого расхода нервной энергии, зато оно позволяло двигаться в три-пять раз быстрее любого тренированного спортсмена, мгновенно реагировать на неожиданное нападение, предугадывать его и предвидеть развитие событий.

Первого боевика Крутов перехватил у туалета в конце коридора; санаторий строился давно, еще в брежневские времена, и туалеты имелись не во всех номерах. Коренастый молодец неопределенного возраста, одетый в черную куртку и пятнистые брюки, заросший волосом до глаз, с зеленой лентой через лоб, с «Калашниковым» под мышкой, пошатываясь, вышел из

вестибюля, подергал в пароксизме проверки ручки некоторых дверей по обеим сторонам коридора и напрямик попер в туалет. Крутов нырнул следом, зажал ему рот ладонью правой руки, а левой мгновенно вонзил стилет под лопатку, используя толчковую технику удара ножом. Второго удара не потребовалось.

Выскользнув обратно в коридор, Крутов заметил в дальнем крыле здания сгущение темноты – это шел ему навстречу кто-то из своих. Тогда он проверил комнаты до вестибюля, никого не обнаружил – ни заложников, ни боевиков, и замер за колонной, за которой налево начинался вестибюль, а направо – гардероб и двойная лестница на второй этаж. Света в вестибюле не было, но полковник хорошо видел в темноте и чувствовал присутствие нескольких человек. Здесь, по данным разведки, Бадиев соорудил еще одно пулеметное гнездо, а также показательно расстреливал заложников, выбрасывая потом трупы с высокого крыльца здания.

В коридоре с другой стороны вестибюля сформировалась тень, застыла, не выдавая себя ни одним звуком. По плану операции коридор первого этажа должны были контролировать две двойки: Саша Зубко и Коки Морозова, но Крутов видел пока только одного из парней. Вторая пара, которая заняла позицию у торца здания с той стороны, где в него пробрался полковник, почему-то не появилась.

В вестибюле раздалась возня, ругань, зазвенели, раскатываясь по полу, бутылки, затем затопали тяжелые шаги, и на фоне светлого прямоугольника выхода в вестибюль возникла крупная фигура человека. Дальнейшее произошло в течение нескольких секунд.

Из коридора напротив метнулась к идущему гибкая и быстрая тень. Чмокнуло (так под ударом ножа лопается кожаная куртка), из груди человека вырвался тихий хрип. Но Крутов не дожидаясь конца атаки, он уже летел в вестибюль, подсвеченный всеми полутонами бордового цвета – диапазон видения сдвинулся в инфракрасную полосу спектра, – и одним взглядом обнял поле боя.

Пулеметов (калибр 12,7 миллиметра, пламегасители, лазерные прицелы) было два, они глядели в окна по обеим сторонам парадной двери, установленные на специальные станки. Мешки с песком слева и справа, какие-то шкафы и лавки. Ящики с патронами и гранатами. Отдельно на полу оружие: гранатометы револьверного типа, автоматы, переносный зенитно-ракетный комплекс типа отечественной «Стрелы». И трое боевиков, сидевших и лежавших на куче матрасов на полу возле батареи бутылок.

Один из них успел вскочить, но стилет Крутова нашел его горло, и боевик осел, не успев крикнуть. Еще одного полковник достал, метнув звездочку сюрикэна, и добил в прыжке ножом. Третьего, очумевшего от изрядной доли спиртного, вставшего на колени и тянувшегося к оружию, вырубил кто-то из «витязей», рывком свернув ему шею.

Оба – и Крутов, и его боец – некоторое время прислушивались к тишине, потом полковник придвинул губы к уху парня:

– Где второй?

– «На спине», – выдохнул тот в ответ, что означало: «держится сзади»; это был Зубко. – У нас только двое, спали. Больше никого.

– Где Кока?

– Не знаю... – Зубко дернулся, хватаясь за кинжал, но это в вестибюль выскользнула исчезнувшая пара Морозова.

Крутов не стал выяснять, почему она задержалась, причина была наверняка весомой, и ткнул кулаком в сторону лестницы. Жест означал, что первая пара пойдет левой, вторая – правой лестницей, а сам полковник – «на спине» группы, прикрывая тылы.

Заложники в количестве ста двенадцати человек, в том числе пожилые женщины и дети, были собраны Бадиевым в кинозале санатория на втором этаже. Охраняли этот этаж десять боевиков в полной боевой форме, то есть увешанные оружием с ног до головы. По двое расположились в торцах коридора, двое сторожили вход в зал, изредка наведываясь в него и огля-

дывая сидящих на стульях пленников, остальные четверо стерегли лестницу. Правда, стерегли больше номинально, практически не глядя на нее, будучи уверенными, что никто посторонний снизу подняться на этаж не может.

Сам Бадуев занимал люкс-апартаменты на третьем этаже, охраняемом еще дюжиной боевиков.

Идущие впереди Крутова спецназовцы остановились перед атакой, ожидая сигнала готовности второй четверки, взобравшейся на этаж снаружи. Сигнал прозвучал через две минуты – по рации. Лишь на Крутове в настоящий момент не было спецкостюма, остальные оставались в «киборгах», хорошо защищавших тело от удара кинжалом или другим колющим оружием. Но полковнику командовать группой, которая уже «пошла», не было нужды, ребята действовали слаженно и расчетливо, как единый организм, не раз проверенный в деле.

Два прыжка вверх по лестнице, поворот, еще два упругих прыжка, взмах рукой... Четыре тусклых блика прорезали воздух, четыре метательных ножа нашли свои цели, но «витязи» не остановились, врываясь в коридор, добились тех, кто был еще жив и мог закричать (хотя все четыре ножа вошли в горло и шею боевиков!), и метнули кинжалы в оторопело оглянувшихся на шум охранников у входа в кинозал. Остальных сторожей, потягивающих пиво в тупиках коридора по обеим сторонам здания и ведущих ленивые разговоры, тихо сняли из арбалетов и добились ножами ворвавшиеся в коридор спецназовцы второй четверки «верхолазов». Вся атака таким образом длилась около полминуты, словно прошумел по этажу смертельный ветерок, уронил боевиков Бадуева на пол и стих. Крутову даже не пришлось поучаствовать в атаке, так быстро все произошло.

Двоих бойцов он оставил стеречь кинозал с ничего не подозревающими людьми, остальные собрались у лестницы, ведущей на третий этаж, откуда доносились чьи-то голоса, смех, звуки музыки, стеклянный стук и хруст. Бадуев праздновал победу, заранее уверенный в успехе своего бравого рейда. Походы знаменитых всему миру «почетных террористов» республики Ичкерия Басаева и Радиева показали бессилие российских спецслужб и властей сладить с «героями народа», и он хотел повторить успех, попасть в разряд таких «героев», нимало не заботясь о судьбе захваченных, а тем более расстрелянных им людей.

Крутов почувствовал нарастающую в душе волну гнева и переключил внимание на предстоящее действие. В принципе, после освобождения заложников, пусть и неполного, можно было взяться и за огнестрельное оружие, тем паче что никого из боевиков Крутов щадить не хотел, но профессионал в душе полковника протестовал против такого решения, да и атака получилась бы слишком шумной, грозившей поднять панику среди пленников, и Крутов сделал всем понятный жест: поднял кулак вверх и растопырил пальцы. Бойцы группы ходили с полковником на операции уже четвертый год и понимали его с полувзгляда, ничего объяснять им не требовалось. Однако на этот раз он пошел впереди группы, инстинктивно предвидя серьезные осложнения. Уж слишком просто и тихо прошли они первые оборонительные заслоны террористов.

Интуиция Крутова не подвела. События начали развиваться по другому сценарию уже спустя три минуты после того, как группа на цыпочках взлетела вверх по неосвещенной центральной лестнице к выходу на третий этаж и приготовилась к броску.

Внезапно музыка в коридоре смолкла, наступила полная тишина, потом раздался взрыв восклицаний, ругань, улюлюкание, топот, а вслед за этим – приближающийся гул и стрекот вертолетных винтов. Крутов встретил взгляд Саши Зубко, так же, как и он, снявшего шлем, и прочел в его глазах в прорези маски объяснение происходящему. Генерал Рюмин, а может быть, кто-то и повыше его, принял решение «помочь» десанту и разделить успех операции, либо свалить вину за неуспех на строптивного полковника Крутова, отказавшегося выполнить приказ к отступлению.

Но делать было нечего, приходилось принимать бой в самых невыгодных условиях, когда ничего уже изменить невозможно из-за отсутствия времени и потери эффекта внезапности. И все же следовало извлечь максимум пользы и из этой ситуации, пока еще позволяли обстоятельства, и Крутов, не оглядываясь, но зная, что его парни не колеблясь последуют за ним, прыгнул с лестницы в освещенный коридор, по которому разбегались по своим местам возбужденные боевики Бадужева. Встретить врага лицом к лицу они естественно не предполагали.

Первый из боевиков, смуглолицый и усатый, наткнувшийся на группу спецназа, умер, не успев сообразить, что происходит. Крутов зарубил его на ходу – ладонью по горлу, и тут же достал ножом второго, с автоматом в руках, бегущего следом. Третьего, начавшего что-то понимать и готового открыть стрельбу, он остановил броском сюржикэна: шестилучевая звездочка вошла точно в переносицу звероподобного аборигена, похожего на опереточного партизана с пулеметными лентами крест-накрест на груди. Дверь слева, выглядывающее лицо оттуда – удар «лапой тигра», вопль... не останавливаясь, добьют идущие в арьергарде... дверь справа, здоровенный детина – блондин, явно не чеченец, поднимает автомат, не успеет... свист ножа, глухой хлюпающий звук – это нож входит в горло блондина... готов!.. Двое впереди, сейчас начнут пальбу, вряд ли прицельную – глаза у обоих квадратные, испуганно-удивленные, они еще не поняли в чем дело, но очередь вдоль коридора, даже не прицельная, – это не струя гороха, кого-то наверняка заденет, прощайте, ножички... оба стилета улетели вперед, находя цели: парни с воплями выпускают автоматы, хватаются за лица... дальше, дальше, с этими все ясно, где-то тут резиденция Бадужева, вот кого нельзя упускать ни в коем случае! Иначе этот «герой» снова когда-нибудь пойдет в поход, воевать с мирными гражданами...

Состояние, в котором находился сейчас Крутов, имело несколько названий в разных философских школах: тапас, сатори, самадхи, мусин, ментальное просветление или озарение, – но Крутову больше нравился термин тайки-оку – «всеохватывающее единство». Это состояние позволяло ему реагировать на опасность в течение сотых долей секунды и двигаться гораздо быстрее любого человека. Его первый учитель по боевым искусствам сразу заметил в своем ученике неординарные способности держать *темп*, то есть сверхбыструю реакцию и редкую скорость движений, а в процессе тренировок еще больше увеличил эти способности, что и сделало из деревенского парня, попавшего в город после школы, мастера русбоя. В спецвойсках, правда, Крутова учили не спортивному поединку, а реальному бою, но это дела не меняло, воином он был от рождения. Врожденные же способности только усиливали эффект тренировок. Выстоять против него не мог ни один из профессионалов службы (спортивные соревнования проводились и там, хотя и закрытые для зрителей), и полковник недаром получил кличку Крутой Уокер.

Внимание Крутова без усилий воли сканировало пространство вокруг, не задерживаясь ни на одном объекте, но схватывая ситуацию в целом при мгновенной оценке всех ее частных деталей. Личное «я» не только не вмешивалось в деятельность психики, но как бы перестало существовать, растворилось в подсознании. Субъект, каким он был в мирной жизни, слился с объективной ситуацией, начал действовать спонтанно, в соответствии с ее законами и временем, максимально адекватно. И в какой-то момент Крутов вдруг почувствовал, что их крохотные резервы внезапности и неожиданности кончились, бадуевцы опомнились и готовы открыть огонь.

– Огневой контакт! – крикнул он во всю силу легких, уже не боясь нарушить тишину, и в тот же момент в разных концах коридора вспыхнула стрельба.

Она длилась всего минуту, стрелки были все-таки обескуражены нападением и об организованном сопротивлении не думали, к тому же против них действовал не милицейский спецназ, не ОМОН или армейское подразделение, а команда профессионалов захвата и диверсионных акций, но и минутная стрельба из автоматов и пистолетов-пулеметов тяжело обошлась крутовским «витязям». Один был убит, трое ранены, причем двое – тяжело. Сам же Крутов в

этот момент, прикрытый со спины Сашей Зубко и его напарником Маратом Балязиным, нашел наконец номер, в котором находился Бадиев со своими «воинами-освободителями», и за ту минуту, пока в коридоре его бойцы сражались с открывшими пальбу боевиками, уничтожил шестерых личных телохранителей Бадиева и самого командира террористов.

Боевики сами помогли спецназовцам сделать это, так до конца и не осознав, что «героями» стать им не суждено. Один из телохранителей Бадиева выглянул в коридор, чтобы выяснить причину стрельбы, и Крутов, мгновенно сориентировавшись, тут же воспользовался этим обстоятельством: выбил щелчком пальца у мужика кадык, втолкнул его обратно в номер и ворвался следом в роскошные апартаменты номера люкс.

Все произошло настолько быстро, что даже опытный и осторожный Бадиев не успел среагировать на вторжение, будучи уверенным, что находится в безопасности, а когда он понял, в чем дело, было уже поздно. Звездочка сюржэна, выпущенная Крутовым из-за спины осоловевшего от боли боевика, впиалась в рот телохранителя с ручным пулеметом в руках, вторая пробила щеку верзиле у окна, и в то же мгновение в комнате оглушительно лопнула светозвуковая граната, брошенная Сашей Зубко из-под локтя командира.

Все, кто находился в комнате, ослепли и оглохли на несколько мгновений (Балязин в шлеме «киборга» не пострадал, а Крутов и Зубко вовремя прикрыли глаза ладонями), и этих мгновений хватило ворвавшимся внутрь номера парням Крутова довершить разгром террористов. Бадиева убил он лично, выбив оружие из рук и одним ударом «рука-копье» раздробив ему переносицу.

Бой закончился. Стихла стрельба в коридоре. И тогда стал слышен нарастающий шум десанта из севших неподалеку на территории курорта вертолетов.

– Останови их, – выдохнул Крутов Саше, ощутив безмерную усталость и безразличие ко всему происходящему. Сел было на диван в прихожей номера, провонявшего пороховой гарью, сгоревшей магнезией, потом и кровью, но встрепенулся и заставил себя выйти в коридор, где возле тел раненых и убитого бойца собрались все члены группы.

Убитым оказался Валера Беккер, молодой новобранец команды, недавно закончивший Рязанскую воздушно-десантную академию. Стянув с головы шапочку, Крутов постоял над ним в молчании, как и остальные бойцы, подошел к раненым.

– Шансов мало, – оглянулся на него Костя Морозов, Кока-врач, как его прозвали в группе, – у Павла две маслины в легком, у Витька одна в животе.

– Грузите их в вертолет, должны успеть! Понял?

– Как не понять.

Морозов разогнулся, вытирая тампоном кровь с рук, кивком подозвал хмурых десантников. Крутов пожал руку раненному в грудь Павлу Молитвину, уловил слабое ответное пожатие, отвернулся и зашагал прочь. Ребята подхватили раненых, понесли вниз.

Генерала Рюмина в сопровождении каких-то лиц в штатском Крутов встретил в ярко освещенном вестибюле санатория.

– Ну и поработали вы тут, – поморщился Рюмин, высокий и худой, как жердь, с головой яйцом и вислым носом. – Почему не выполнил приказ, полковник? Что ты себе позволяешь? Теперь придется отвечать...

– Отвечу, – тихо согласился Крутов, узнавая в одном из гражданских спутников генерала первого вице-премьера. – Если бы не ваш десант, я бы не потерял людей. Кто отдал приказ вылететь к санаторию на «вертушках»?

Хорошо одетые в дорогие костюмы мужчины переглянулись. Рюмин снова поморщился, собираясь ответить, но его перебил вице-премьер, с высокомерной миной оглядев одетого в трико полковника с ног до головы:

– Я отдал приказ. А что? За самоуправство пойдете под трибунал! Ясно? И не помогут вам...

Крутов молча, без замаха, врезал растопыренной ладонью в лоб вице-премьеру, так что тот отлетел на два метра назад, врезавшись в кого-то из стоящих за спиной, отодвинул бросившихся было к нему телохранителей вице-преьера (ребята группы красноречиво окружили своего командира) и пошел к выходу, не прислушиваясь к гневной речи обалдевшего от неожиданности генерала.

Через два дня Крутова вызвали в управление кадрами ФСБ и предложили написать рапорт об увольнении по состоянию здоровья. До этого с ним разговаривали чуть ли не два десятка вышестоящих начальников от Рюмина до директора службы, но полковник молчал, не ответив ни на один вопрос. От него отступились, приняв его молчание за признаки психической надломленности (что в принципе почти соответствовало истине), а судя по тому, что в конце концов ему предложили уволиться, инцидент с вице-премьером замяли и скандалу развиться не дали. Все же операция по освобождению заложников и уничтожению банды террористов проведена была блестяще, а полковник имел весьма длинный послужной список и кучу наград за проведение многих таких же операций по ликвидации террористических групп. Но простить своеволие офицеру, даже такому заслуженному, как Егор Крутов, руководство службы не могло, хотя штурм санатория «Джерах» потом вошел в учебники по тактике, став классикой операций подобного рода.

Подписав рапорт, Крутов получил годовое денежное довольствие в размере семидесяти двух тысяч рублей и покинул финансовое управление ФСБ, чтобы никогда больше не переступать пороги знаменитого комплекса зданий на Лубянке. О содеянном он, в общем-то, не жалел, жалел только, что не смог уберечь своих парней от пуль боевиков.

Тульская губерния Воробьев

Банда Петра Фоменко, получившего в преступном мире кличку Гитарист за пристрастие к игре на гитаре, потрошила автодороги второй год, ни разу не попавшись в поле зрения угрозыска и дорожной милиции благодаря невероятной изворотливости Гитариста, а также помощи наводчика, работавшего в отделе дорожно-транспортного контроля подмосковной милиции. В последние два месяца банда из Подмоскovie по совету наводчика перебралась в Тульскую область и показала, на что способна, оседлав Симферопольское шоссе и ряд дорог республиканского значения. Действовала она столь разнообразно, что даже опытные милицейские работники диву давались, когда разработанные их аналитиками планы уничтожения банды Гитариста срывались один за другим, а банда, выколотив дань с водителей на одном шоссе, всплывала через день на другом.

В послужном списке банды, представлявшей по сути ядро дорожной мафии, числилось более четырех десятков разбойных нападений на колонны грузовиков, отдельные фуры и личные автомашины, и почти каждый раз Гитарист пускал в ход новый способ выколачивания денег с водителей, не брезгуя ни уговорами, ни угрозами, ни пытками и прямым убийством излишне доверчивых либо желавших подзаработать людей.

Наиболее «благородным» видом поборов было предложение водителям за хорошую плату обеспечить охрану их проезда по территории района. Если шофер не соглашался, в ход шли запугивания и угрозы, в случае же, если он не поддавался и уезжал «без сопровождения», строптивца наказывали. Делали это либо сами «охранники», догнав машину на пустынном участке шоссе, либо наводили на грузовик спецгруппу, ожидавшую указанный автомобиль на перегоне в форме гаишников. Останавливали машину и разбрасываемые по шоссе специальные ежи, пробивающие шины, и шипастые цепи. А затем к остановившемуся грузовику подъезжала «техпомощь»...

Следующий способ получил название «ловля на живца». Применялся он обычно к водителям-дальнобойщикам, перегонщикам новых автомобилей и водителям-одиночкам личного автотранспорта.

На дороге голосовала красивая, легко одетая девушка. Согласившийся подвезти ее, ничего не подозревая, крутил баранку, приятно беседуя с попутчицей. В заранее условленном месте «подсадная утка» просила остановить машину якобы по нужде, и на ничего не подозревающего шофера нападали из засады дружки красавицы.

Кроме бандитов, переодетых в форму сотрудников ГАИ, Гитарист использовал и других ряженых: работников милиции, военных, цыган, сельских жителей, «везущих продукты на рынок», учителей с десятком детей разных возрастов, стариков и старух. Но больше всего в практике дорожных «бомбил» использовались откровенные разбойные нападения, чаще всего происходящие ночью на безлюдных участках дорог, и много раз проверенный сценарий «помощи».

Один из членов банды, самый обаятельный и тихий, подходил к дальнобойщикам и просил помочь подвезти груз: продукты, мебель, овощи-фрукты, холодильник и тому подобное. Вместе ужинали, беседуя о нелегком шоферском рубле и трудной жизни. Потом ехали на место, где якобы ждал груз (или обед, ужин). Когда водитель выходил из кабины, в него стреляли и добивали ножами. Труп хоронили в заранее вырытой могиле или сбрасывали в реку с глыбой бетона.

Со сбытом похищенного проблем у банды не было. Гитарист покупал у военных чиновников чистые акты на списание армейских машин, бланки актов технического состояния, что

позволяло перегонять грузовики из Подмоскovie на Кубань и в другие регионы страны для продажи, а многие из автомашин банда легализовала через Госавтоинспекцию: новые номера, документы, пропуска. Вскрылось участие инспекторов ГАИ в деятельности банды недавно, что и заставило Гитариста сменить район базирования.

Правда, совсем безнаказанными бандиты все же не оставались. Кроме энтузиастов-милиционеров, проводящих облавы на дорогах, в Подмоскovie объявилась самодеятельная группа мстителей, по слухам, состоящая из бывших водителей-дальнобойщиков, пострадавших от нападений, и родственников погибших от рук бандитов шоферов. Группа нещадно расправлялась с дорожными бандитами, калеча их и убивая, на ее счету было уже несколько ликвидированных бандгрупп, но к Гитаристу подобраться она не смогла, тот действовал похитрей, да и сведения о готовящихся облавах получал из первых рук, от штатного осведомителя из милиции.

Информация о двух грузовиках, перевозящих дорогостоящую электронную технику: компьютеры, мониторы, телеаппаратуру – из Москвы в Крым, Гитарист получил двадцатого июня, и уже к вечеру его заставы ждали появления грузовиков по всей Симферопольской трассе от столицы до Тулы. Кусок был настолько лакомый (стоимость перевозимого товара зашкаливала за миллион «зеленых»), что Гитарист забыл об осторожности и решил лично возглавить операцию по перехвату грузовиков, не сомневаясь в подлинности полученных сведений. Началась операция ранним утром двадцать первого июня, когда наблюдатели банды обнаружили грузовики в районе Московской кольцевой автодороги, неспешно выползающие на трассу.

Вели их несколько машин, сменяя друг друга, пока грузовые фургоны с английскими надписями по бортам не остановились наконец в лесу за Тулой, недалеко от городка Высюгань, в специальном «кармане» для стоянок грузовых автомобилей. Водители решили позавтракать.

То, что водителей четверо и все они мужики с виду крепкие и молодые, Гитариста не смущало, но был он калач тертый и решил подстраховаться, проверить, то ли везут означенные фургоны или не то, для чего выслал вперед разведку, остановившись таким образом, чтобы можно было наблюдать за происходящим на стоянке в бинокли.

К грузовикам, мигая аварийными огнями, подкатила старенькая замызганная «девятка», за рулем которой сидел добродушного вида пожилой мужчина (он же вор-рецидивист Никола Мостовой по кличке Санта-Клаус). Шофер «девятки» открыл капот, поковырялся в моторе и подошел к водителям, усевшимся завтракать возле кабины одного из фургонов. Что он попросил у дальнобойщиков, осталось неизвестным, только один из водителей, повозившись в кабине и не найдя того, что искал, открыл фургон, и Гитарист, в бинокль наблюдавший за стоянкой, разглядел ряды белых коробок внутри фургона, украшенных множеством наклеек, рисунков и надписей на английском и японском языках. Сомневаться не приходилось: грузовики везли компьютерную технику.

– Берем! – сказал Гитарист, опуская бинокль. – Вариант «мудаки». Стрелять, только если они начнут сопротивляться.

– А если не начнут? – осведомился Лева Пинкисевич, правая рука Фоменко.

– Связать, камни к ногам и утопить.

– А не лучше ли подержать пару дней и отпустить? Не зря братва болтает о команде «мочил»...

– Утопить, я сказал!

– Понял.

Бандиты переоделись по варианту «мудаки» в милицейскую форму – причем Гитарист напялил мундир полковника, нравились ему погоны со множеством больших звезд, – установили на крышах «мерсов» и джипов мигалки и, включив сирены, помчались к стоянке грузового транспорта.

Водители, держа в руках бутерброды с колбасой и сыром, кружки с горячим чаем, с любопытством смотрели на «спецназ», не ожидая с виду никакого подвоха, не сделав ни одной попытки сопротивления, даже когда из окруживших стоянку «крутых» машин выскочили «милиционеры» и одетые в штатское мужики зверского вида, направив на них стволы пистолетов и помповых ружей.

– Связать! – коротко распорядился «полковник милиции», руководивший «спецназом», мельком глянув на водителей, и направился к фургонам.

– Эй, начальник, – окликнул его один из шоферов, – а я ведь тебя знаю.

«Полковник» резко остановился, споткнувшись на полшаге, повернулся всем корпусом к водителям, и ему очень не понравились взгляды молодых мужчин, какие-то слишком уверенные, презрительно-угрюмые, без капли страха или недоумения. А особенно не понравились глаза окликнувшего, дерзко-насмешливые, умные, с искрой силы и угрозы.

– Не помнишь меня? – продолжал водитель. – Год назад мы с братом проезжали Калугу, я вышел купить сигарет, а твои «шестерки» в это время напали на брата, вышвырнули из машины – шикарный такой джип был, «Лэнд Круизер», – а когда брат кинулся на них, кто-то выстрелил ему в живот. Ты же сидел в «Тойоте», сзади, наблюдал. Я тебя тогда неплохо разглядел, да и ты меня, наверное, не забыл, Петр Петрович Фоменко... Гитарист. Ну, вспомнил? Вот мы и встретились наконец.

– Убрать! – махнул рукой внезапно вспотевший «полковник», отступая на шаг, и в тот же момент началось то, что не могло ему присниться даже в страшном сне.

Задние дверцы фургонов вдруг распахнулись, и на землю посыпались люди в пятнистых комбинезонах с пистолетами-пулеметами в руках. Раздались выстрелы – это спецназовцы в комбинезонах утихомиривали наиболее прытких бандитов, начавших было сопротивление. Тот, кто узнал Гитариста и заговорил с ним, тоже не стал дожидаться, пока его кто-нибудь не подстрелит, и начал действовать, на доли секунды опередив главаря банды. Он прыгнул к нему с расстояния в пять метров, ногой отбил руку с пистолетом в сторону, нанес еще один удар по руке локтем вниз, обнаруживая прекрасное знание приемов рукопашного боя, и тут же воткнул указательный палец в глаз Гитаристу. С воплем тот схватился за глаз, упал на колени и уже не увидел последнего удара: водитель ребром ладони сломал ему шейные позвонки.

Троих бандитов, успевших воспользоваться оружием, убили сразу, остальных спецназовцы повалили на землю, ломая им в ходе драки пальцы, руки, ребра, выбивая зубы, нанося удары, травмирующие внутренние органы, от которых они теряли сознание либо испытывали сильнейшую боль. Затем всех бандитов выстроили в лесу на поляне, недалеко от стоянки грузовиков, но так, чтобы их не было видно со стороны шоссе. Принесли и свалили в кучу убитых, в том числе главаря банды с вытекшим глазом. Командовал подразделением спецназа (так думали бандиты – что это спецназ) – всего их вместе с «водителями-дальнобойщиками» набралось девять человек – тот самый светловолосый шофер с дерзко-веселыми глазами, среднего роста, но жилистый и сильный, который узнал в «полковнике милиции» Гитариста. Бандитов же набралось пятнадцать человек, не считая убитых. Затравленно озираясь, они глядели на молчаливых парней в пятнистом, переминались с ноги на ногу, все еще ошеломленные случившимся, и боялись даже стонать.

– Кто не убивал никого – шаг вперед! – приказал командир спецназовцев, оглядывая шеренгу.

Бандиты стали переглядываться, мяться, потом из шеренги вышел бледный худосочный мужик средних лет в ветровке и кедах, со сломанной рукой, которую он бережно прижимал к животу, заискивающе улыбнулся.

– Я не убивал, я только на стреме, что приказывали, меня даже никогда не брали, а винтарь я просто носил, как и все, у кого хошь спросите, я Шестопал, а этих...

– Стоп!

Мужик затих, бледнея еще больше.

– Кто еще?

Вперед выступил «разведчик» банды Санта-Клаус. Ему тоже досталось – за то, что пытался сбежать, и круглое благообразное лицо его украшал красивый кровоподтек в форме полумесяца над верхней губой.

– Ну, я...

– Еще?

Шеренга молчала.

Водитель усмехнулся, глядя, как многих бандитов колотит дрожь.

– Что, сердешные, мандражируете? Страшно? Жить охота? А когда вы ни в чем не повинных людей резали, вешали, душили и топили, не страшно было?! Все, отгуляли! А теперь коли-тесь, кто сколько душ загубил, может, кого и помилую.

– Панкрат, – понизив голос, сказал один из парней в комбинезоне, подходя к светловолосому, – там твой дружок приехал. Пропустить?

– Приведи сюда, – кивнул водитель, – пусть посмотрит на ублюдков. – Повысил голос: – Ну, облегчайте душу! Начнем слева направо, но не с тебя. – Палец Панкрата уперся в грудь Левы Пинкисевича. – Ты амнистии не подлежишь.

Ударил негромкий выстрел, во лбу помощника Гитариста появилась дырочка, ноги его подкосились, и он упал навзничь. Бандиты шархнулись в разные стороны, но остановились, услышав четкую команду:

– Стоять, уроды!

К светловолосому в сопровождении спецназовца подошел немолодой мужчина в кожаной куртке, несмотря на летнюю жару, с изможденным болезненным лицом.

– Кончай самодеятельность, Панкрат Кондратьевич, – глухо проговорил он. – Отпусти их, ты не судья и не палач. Пусть идут. Банды, считай, уже нет...

– Не мешай, Сергеич, – твердо сказал водитель. – Они убили не только моего брата, на их кровавом счету более двадцати человек, ты же знаешь. На каждом кровь и пытки... Стой и смотри, если хочешь, но молчи. Сегодня будет по-моему. Лева не пожалел двенадцатилетнего пацана, ехавшего в кабине «жигуленка» с отцом, а сам Гитарист убил семерых, в том числе двух женщин. Остальные мучили отцов и братьев моих ребят... стой и молчи!

Панкрат отошел от пожилого мужчины в куртке, ткнул пальцем в толстого, как боров (у него и кличка была – Боров), бандита:

– Ты!

– Я, как все, специально никого, как все, так и я, – тонким голосом заговорил толстяк, глотая слова, – ну, может, и убил кого, так приказывали...

– Сколько?!

– Ну, не знаю, может, одного, двух, но никогда, я же не для того, а когда все, и стрелял мало, и жалел...

– Мразь! – сплюнул под ноги один из водителей, с которым завтракал светловолосый командир операции, угрюмо оглядел сбившихся в кучу бандитов. – Кто знает, сколько человек убил этот боров?

– Я скажу, – услужливо вылез вперед из толпы помятый старик со слезящимися глазами. – Боров убил, значитца, пятерых лично, вешал сам, паяльной лампой, это вот, значитца, кожу на пузе жег...

Раздался выстрел. Толстяк упал. Старик вздрогнул и замолчал, тупо глядя на расстрелянного, потом проворно залез обратно в толпу.

– Ты! – Палец Панкрата указал на могучего телом молодого небритого парня с угрюмым волчьим взглядом, у которого была сломана челюсть.

– Троих! – с вызовом прошипел он, но сморщился от боли и секунду молчал, придерживая челюсть, потом добавил: – И еще буду давить вас...

– Уже не будешь, – равнодушно ответил Панкрат.

Щелчок выстрела, дыра во лбу парня, стук тела о землю.

Приехавший в кожаной куртке шагнул было к светловолосому, однако был остановлен одним из бойцов команды Панкрата.

Тот оглядел поредевшую, затаившую дыхание толпу, криво усмехнулся.

– Действительно, не палач я, к сожалению, хотя по каждому из вас петля плачет. Один только вопрос задам, ответите – отпущу всех, не ответите – положу здесь: кто помогал Гитаристу в органах? Где окопалась эта сволочь?

Наступила тишина. Бандиты переглядывались, перешептывались, но отвечать не торопились. Потом, почесав затылок, заговорил Никола Мостовой – Санта-Клаус:

– Мы его не знаем, Гитарист всегда ходил к нему один. Но, по-моему, стукачок сидит в дорожно-транспортном отделе УВД.

– Он капитан милиции, – добавил кто-то из толпы. – Гитарист называл его Борянчик...

Панкрат поднял пистолет, из которого стрелял, – толпа бандитов подалась назад, затаила дыхание, – со вздохом сунул в кобуру под мышкой, отвернулся от бандитов.

– Рыжего с бородой, что прячется там за спинами, отмудохайте так, чтобы восстановление рельефа лица было невозможно. Эта дохлая крыса ведет канцелярию Гитариста, я его знаю. Остальным отбейте все, что можно, и привяжите к деревьям подальше от дороги, пусть посилят денек в тенечке, это пойдет им на пользу. Милицию вызову я сам. – Он оглянулся через плечо, сверкнул глазами. – Но если кого заметим в другой банде – кранты! Пощады не ждите!

Обойдя приехавшего, которого назвал Сергеичем, Панкрат пошел рядом с ним сквозь заросли к дороге. Там они подождали, пока бойцы команды мстителей выполняют приказ, подожгут машины бандитов, рассядутся по своим автомобилям и уедут. Сели в кабину серой «Волги», на которой прибыл мужчина в куртке.

– Ну, что скажешь хорошего? – сказал Панкрат, лицо которого стало хмурым и усталым.

– Откуда у тебя эти ребята? – кивнул спутник на отъезжающие машины. – Раньше я у тебя их не видел.

– От верблюда, – покривил губы светловолосый. – Это все профи высокого класса.

– Я и так заметил, что они не из стройбата.

– Работать с ними одно удовольствие. – Панкрат вдруг рассмеялся, поймал озабоченно-удивленный взгляд приятеля, работавшего в Московском угрозыске, и пояснил: – Анекдот вспомнил. В американской армии сержант рассказывает своему отделению: у русских есть воздушно-десантные войска – там на одного ихнего двоих наших надо! Есть у них и морская пехота – там на одного пехотинца троих наших мало! Но самое страшное – у них есть войска, стройбат называются, – так тем зверям вообще оружие не выдают!

Спутник Панкрата никак не отреагировал на анекдот.

– Рискнешь провалиться с набором.

– Не беспокойся, Сергеич, не провалюсь, эти ребята – ветераны спецслужб и знают толк в подобных делах.

– Как тебе удалось привлечь их в команду? – Мужчина в куртке тронул «Волгу» с места, не оглядываясь на загоревшиеся «Мерседесы» и джипы бандитов, погнал машину прочь, в сторону Москвы.

– Дал объявление через Интернет о наборе в группу мстителей.

– Я серьезно.

– Имеется у меня приятель на Лубянке, – нехотя проговорил Панкрат, – в отделе кадров, он помог подобрать пару обиженных профессионалов, а те нашли друзей. Кстати, спасибо за помощь с грузовиками, очень здорово все получилось.

Мужчина, которого командир группы ликвидаторов автодорожных бандитов назвал Сергеичем, промолчал. Он работал заместителем начальника оперативно-розыскной бригады МУРа и имел звание подполковника. Помогал же он мстителям по нескольким причинам, самой главной из которых было убийство дорожными бандитами его матери и внука, происшедшее чуть больше года назад на Калужском шоссе. Они ехали с дачи поздно вечером, за рулем сидел зять, и на «жигуленок» напали потрошители машин. Зять чудом выжил, хотя и получил две пули в грудь, а восьмидесятишестилетняя старуха-мать с двенадцатилетним внуком, начавшие сопротивляться и кричать, были зверски убиты. Провалившийся в больнице с инфарктом полтора месяца после этого случая подполковник поклялся себе, что отомстит убийцам, и выполнил обещание, втайне от начальства используя появившуюся тогда в Подмоскovie команду Панкрата Воробьева. С тех пор они работали вместе.

– Тебе надо уходить из этих мест, – глухо сказал Михаил Сергеевич.

– Почему? – повернулся к нему Панкрат.

– Сверху спущен указ об усилении борьбы с терроризмом, в том числе на дорогах. Твоя деятельность подпадает под статьи «терроризм» и «самосуд», начальство горит желанием вычислить твою группу, как антизаконное формирование, а заодно присвоить себе лавры победителей дорожной мафии. Я вообще посоветовал бы тебе свернуть операции, хотя бы на полгода.

– А что, дорожные бандиты уже вымерли? Перестали хозяйничать на трассах? Решили переквалифицироваться в защитников рядовых шоферюг? Или вы действительно научились бороться с ними?

– Учимся, не сидим без дела, работаем. Только ни рук не хватает, ни средств. Ты же знаешь формулу: раскрываются лишь те преступления, которые должны быть раскрыты. А мы не всеильны. Ты уже многого добился, посеял в душах бандитов страх, заставил задуматься над тем, что воровать, грабить, унижать, убивать – грех! Что честно жить спокойнее. Может быть, этого уже достаточно.

– Ты сам не веришь в это, Сергеич.

– Не знаю, – с внезапно прорвавшейся тоской признался подполковник. – Я не знаю, чему верить, а чему нет. Только убедился, что месть не возвращает убитых.

Помолчали. Машина продолжала мчаться по почти безлюдному шоссе к Москве. Потом Михаил Сергеевич добавил уже более спокойным тоном:

– Но оставаться в Подмоскovie тебе опасно. Я уже не могу делать вид, что ты неуловим. Мерин начинает догадываться, что я знаю больше и утаиваю от него оперативную информацию.

Мерином звали начальника ОРБ полковника Конева.

– Опасно... – пробормотал Панкрат. – Опасно одно: ненаказанное зло крепнет, тучнеет, самоутверждается при мысли о своей безнаказанности. Как говорил мой мудрый дед: ненаказанное зло не знает прощенного воскресенья, потому что как бы и неизвестно, кого прощать. Но свою работу я не брошу, Сергеич, пока не выведу всю эту дорожную мразь под корень! Ты мне только помоги выйти на этого конфиденнта Гитариста, капитана милиции, кого он называл Борянчиком. Поможешь?

– Не уверен, – после минутного молчания буркнул Михаил Сергеевич. – Со здоровьем не лады, лягу я, наверно, в больницу в ближайшее время.

Панкрат посмотрел на землистое лицо собеседника и придержал острое словцо, готовое слететь с языка.

– Сердце?

– А все: и сердце, и нервы, а теперь и желудок... язву недавно нашли... Короче, не помощник я тебе, Панкрат Кондратьевич.

– Выкарабкаешься, – сказал Панкрат без особой уверенности в голосе.

– Может, и выкарабкаюсь. Послушай, майор, когда тебя поперли из службы за неподчинение приказу, ты ни с кем в конфликт не вступал? Врагов не оставил?

Панкрат задумался, озадаченно пощипывая нижнюю губу и разглядывая профиль подполковника.

– Вроде бы нет. А что?

– Ищут тебя твои бывшие начальники, ориентировку прислали, как на рецидивиста. Сменил бы квартиру.

– Да я давно в столице не появлялся, живу у родственников под Вязьмой, да и там бываю редко. Странно, зачем им меня разыскивать?

– Это мне неизвестно. Будь осторожен. Говорят, под Брянском тоже завелась какая-то крутая мотобанда, терроризирует всю округу, нападает на частников, грабит машины. Если хочешь, дуй со своими туда.

– Спасибо за совет.

Михаил Сергеевич поморщился, искоса посмотрел на спутника, и Панкрат поспешил его успокоить:

– Я серьезно, спасибо за все, что ты для меня сделал, Сергеич. Конечно, мне будет не хватать информационного обеспечения, да и твой промоушен – не последнее дело, однако я справлюсь. Завтра же начну перебазироваться под Брянск, у меня и там кое-какие родственники живут по маминой линии. Я этим мотоподонкам такую кувырколлегию устрою, что надолго запомнят!

– Верю, – усмехнулся подполковник. – Если понадобится, звони на мобильный, помогу, чем смогу... если еще буду на ногах. Знаешь, я даже рад, что ложусь на обследование...

Последние слова вырвались у него помимо воли, и он тут же пожалел об этом, однако стыдиться признания не стал. Пояснил в ответ на озабоченно-внимательный взгляд Воробьева:

– Плохи дела, мой друг, в государстве расейском. В стране нарастающими темпами идет процесс поглощения малых преступных формирований большими. Мы в прошлом году «взяли в разработку» около восьми тысяч небольших преступных групп, а сегодня их осталось немногим больше шестисот, но не потому, что органы правопорядка так хорошо поработали, а потому, что малые банды слились в организованные криминальные структуры, контролируемые уже целые губернии. К слову, Брянщина тоже контролируется «авторитетами». Так что оптимизма в моих сентенциях не ищи. Не справляемся мы с организованной преступностью, ни снизу, ни сверху.

– Чего ж удивляться, коли вся головка власти загнила.

– Нужен иной подход, силовые методы борьбы с преступностью не могут быть главным инструментом. – Михаил Сергеевич притормозил, пропуская лихача на джипе. – Отношения человека с миром всегда сводились к формуле: «это мое, а это не мое», и озабочен он всегда был лишь увеличением собственности. В нынешние времена этот закон еще более ужесточен, уже нет понятия: «это не мое», есть императив: «все, что еще не мое – будет моим!»

– Ну, положим, не каждого человека заботит увеличение собственности? – осторожно вставил Панкрат, сочувственно глядя на Михаила Сергеевича.

– Может, не каждого, – неожиданно легко согласился подполковник. Взгляд его стал тверже. – Не обращай внимания на старческое брюзжание, похоже, я привыкаю плакать в жилетку. Это от усталости. Тебя куда?

– Останови, выйду здесь.

Михаил Сергеевич свернул на обочину, остановил «Волгу», и они некоторое время смотрели друг на друга, ничего не говоря. Потом подполковник дернул щекой, криво улыбнулся.

– Капитана – осведомителя Гитариста мы найдем, не бери в голову. Звони. Ни пуха тебе, ни пера!

– К черту! – улыбнулся в ответ Панкрат.

Они встряхнули друг другу ладони, и бывший майор армейского спецназа вылез из кабины. «Волга» сорвалась с места, вписалась в поток машин на шоссе, исчезла за холмом. Панкрат постоял немного, глядя ей вслед, и сел в подъехавший фордовский микроавтобус с затемненными стеклами.

Москва Крутов

Курган был древним и напоминал пирамиду. Склоны его поросли травой, сейчас пожелтевшей и пожухлой и были усеяны камнями разных размеров, среди которых кое-где виднелись кости не то животных, не то птиц. Веяло от кургана тоской, безнадежностью, обреченностью и смертью, хотя, казалось бы, над ним промчались тысячелетия, которые должны были без следа растворить в себе память тех лет и унести чужую боль, и горе, и запахи смерти.

Крутов, чувствуя себя призраком без тела, обошел курган, приглядываясь к белеющим костям, и вдруг увидел свежий пласт земли под курганом, будто здесь недавно копали яму, подкоп под курган, да потом бросили и заровняли. Заинтересованный, он подошел ближе и, холодея, увидел торчащие из жирно блестящей ржаво-красной насыпи кисти рук. Не веря глазам, нагнулся, разглядывая синеватые скрюченные пальцы, и отшатнулся, встретив взгляд пустых глазниц черепа. Впрочем, этот череп еще не был чистым, на нем сохранились остатки кожи и волос, но жуткий оскал провалившегося рта от этого не становился более приятным.

Что-то хрустнуло под ногой. Крутов шагнул в сторону, зацепился за торчащую из земли руку и полетел куда-то вниз, в холодную жуткую трясику и темноту...

Очнулся он лежащим навзничь в постели. Сердце колотилось о ребра, лицо и тело были покрыты холодным потом. Перед глазами все еще стоял курган и торчащие из свежесрытого шурфа кисти человеческих рук и чей-то череп. Покачав головой, гадая, какими мыслями навеян этот странный сон, Крутов привычным усилием воли успокоил взбудораженную нервную систему, взглянул на часы и пошел умываться. Шел еще только седьмой час утра, на работу собираться было уже не надо, мог бы и поспать подольше, но организм привык подниматься рано и требовал активного действия, повышения тонуса.

Почистив зубы, Крутов сделал зарядку, покидал через всю комнату в специальный щит ножи и сюржикэны, потом принял душ и позавтракал. После чего принялся собирать и упаковывать вещи. Мысль посетить родные места на Брянщине, где он родился и вырос, закончил школу, возникла у него сразу после увольнения и прохождения цикла специальных процедур, предусматривающих подписание неких обязательств «не разглашать государственных тайн и служебных секретов». Не то чтобы он стал «невыездным», но обязан был при выезде за границу предупредить соответствующие органы.

Крутов возился со второй сумкой, когда в прихожей пустил трель дверной звонок. Недоумевая: кто бы это мог быть в такую рань? – он открыл дверь. Перед ним в легком летнем платье стояла Ольга с белой сумочкой через плечо, с сигаретой в пальцах, загорелая, уверенная в себе, красивая и сильная. Несколько секунд они рассматривали друг друга с одинаковым прищуром глаз, потом во взгляде девушки мелькнула растерянность и она сказала со смешком:

– Может быть, кавалер наконец пригласит даму войти?

Крутов отступил в сторону.

– Извини.

Ольга, покачивая бедрами, прошла в квартиру, остановилась на пороге гостиной, разглядывая разбросанные по комнате вещи.

– Ты собираешься уезжать?

– Кофе хочешь? – проигнорировал он ее вопрос.

– Нет, спасибо. Ты же знаешь мои вкусы.

– Кофе нам не по нутру, нам бы водки поутру, – пробормотал полковник. – К сожалению, твоего любимого коньяку нету, выпил. Шампанское, быть может?

– Сгодится, – кивнула девушка, переложив с кресла на стол рубашки хозяина и села, закинув ногу за ногу.

Крутов кинул равнодушный взгляд на ее красивые колени, принес бутылку шампанского, открыл, разлил в бокалы.

– За что пьем?

– За свободу, – с иронией ответила Ольга. – Ты же теперь вольная птица? Или все же остался в службе?

– Нет, – коротко сказал он, сделав глоток.

– Почему? Не мог договориться с начальством, взять всю вину на себя, попросить, чтобы оставили?

– Зачем? – Крутов поставил бокал на стол, но садиться не стал, принес конфеты, предложил даме.

Ольга Сошникова тоже работала в ФСБ, только в другом управлении. Познакомились они три года назад, спустя полгода после гибели жены полковника, но отношения их так и не перешли границ приятного совместного времяпрепровождения. Хотя Ольга изредка и пыталась узаконить их альянс, тренируя на нем командирский голос. Женщина она была красивая, эффектная, умная, однако чересчур самостоятельная и властная. Крутов таких не то чтобы не любил, но старался обходить стороной.

– Зачем? – переспросила Ольга. – Да затем хотя бы, что ты профессионал и жить не сможешь без службы.

– Ошибаешься, – усмехнулся он, начиная укладывать вещи во вторую сумку. – Смогу.

Гостья посмотрела на его открытое лобастое лицо с твердо сжатыми упрямыми губами, с прямым пронизывающим взглядом карих, часто светлеющих до желтого «тигриного» свечения глаз, и шутить не рискнула. Если Егор что-нибудь решал, то уж решал окончательно и решения свои никогда не пересматривал. Месяц назад он застал у нее в гостях сослуживца, капитана Зеленского, красивого bruneta с ниточкой усов: ничего особенного не было, легкий флирт, поцелуйчики, объятия, смех, до постели дело не дошло, – но после этого не приходил, не звонил и на ее звонки не отвечал, словно отрезал. А ведь любого другого мужика она запросто могла уговорить, обольстить, свести с ума, объяснить все обыкновенной игрой, да еще и заставить при этом просить прощения. Любого другого, только не Егора Крутова.

– Ты не... – Она хотела спросить: «Ты меня так и не простишь?» – но вместо этого сказала: – Ты не прав, Крутой. Боевая работа – как наркотик. Без нее ты засохнешь.

Крутов продолжал методично собираться, потом задернул «молнию» на сумке, оперся на нее и глянул на девушку.

– Ты только для этого ко мне зашла? Чтобы сообщить, что я не прав?

Ольга вспыхнула, уловив понятный обоим подтекст, резко поставила бокал на стол, расплескав шампанское, встала и пошла к выходу. На пороге гостинной оглянулась.

– Ты всегда будешь один, Крутой, потому что никого не любишь, даже себя. Мне тебя жаль. Но если захочешь что-нибудь изменить в своей жизни в лучшую сторону – позвони. Может быть, я тебе помогу.

Простучали по полу прихожей каблучки, глухо вздохнула дверь. Крутов, склонив голову к плечу, прислушивался еще некоторое время к тишине в доме, потом сел в кресло, хранящее тепло женского тела, и невесело усмехнулся, вспомнив вычитанные в каком-то журнале детские откровения. На вопрос журналиста: что такое верность? – одна из восьмилетних девочек ответила: «Больше всего этого, естественно, у собак. А на втором месте стоят некоторые женщины».

– Некоторые... – пробормотал Крутов, подумав: но к тебе, Ольга Викторовна, сие определение не относится. Хотя, может быть, я излишне категоричен.

И вдруг до спазма в горле с ним случился приступ свирепой тоски по жене. Уткнув лицо в ладони, он сжал его изо всех сил, и память услужливо прокрутила перед глазами ленту их первых встреч.

Впервые Крутов познакомился со своей будущей женой на студенческом балу, организованном по случаю успешного завершения очередной летней кампании студенческих строительных отрядов. Он тогда учился в Рязанском высшем училище воздушно-десантных войск, но имел приятелей среди студентов радиотехнического института, они и пригласили будущего героя Джераха на вечер. Крутов увидел ее сразу же, как только вошел в фойе актового зала, в окружении большого числа парней. Как во сне подошел к ней, перестав вдруг ощущать мир вокруг, забыв о приятелях, замер, глядя на удивительно милую девушку со слегка раскосыми глазами, сидящую на стульчике у стены с опущенными на колени руками. Сказать, что она была красивой, значит, ничего не сказать! Хотя он в тот момент не оценивал стати фигуры девушки и ее параметры. Он слушал ее, он видел, он *чувствовал*. Он ее знал!

Она же, мельком глянув на еще одного поклонника, пожиравшего ее глазами, лишь досадливо повела плечиком, и только когда Крутов подошел вплотную и хрипло сказал: меня зовут Егор, – внимательно посмотрела на его горящее лицо, и, видимо, что-то поразило ее в нем, потому что зеленые глаза незнакомки вдруг широко открылись и в них просиял интерес.

В тот вечер он никому не дал танцевать с ней, не отходя от зеленоглазой ни на шаг, и пошел провожать, хотя друзья предупреждали о возможных последствиях: девушка – ее звали Наташа – хотя и не училась в радиоинституте, а была приглашена подругами, но произвела впечатление и на местных студенческих «авторитетов».

Крутова встретили у парка, когда он, проводив Наталью, возвращался в расположение училища. Но он к тому времени уже весьма недурно владел барсом¹ и мог отбиться и от более серьезного противника, чем четверо студентов радиотехнического института.

Они виделись чуть ли не каждый день и страдали одинаково сильно, если встретиться по каким-либо причинам не удавалось. Даже когда Наташа стала его женой, их жажда видеть друг друга, страстное желание обладать друг другом не утихали, разве что оба научились скрывать это от других...

Сердце сжалось, превращаясь в ком льда. Крутов остановил воспоминания. Жены не было рядом уже почти четыре года, и ни одна женщина не смогла ее заменить. В том числе и капитан-инструктор Ольга Сошникова.

Прижмись ко мне крепче и ближе,
Не жил я – блуждал среди чужих...

всплыли в памяти строки Блока. Во времена первых встреч с Наташей он специально заучивал целые тома Блока, Бальмонта, Есенина, Верхарна, чтобы не ударить лицом в грязь и выглядеть в ее глазах образованным человеком, а не дубовым накачанным курсантом училища, как большинство его сокурсников. Правда, потом чтение стихов стало потребностью, но случилось это позже. Однако на Наташу он произвести впечатление успел...

В прихожей снова запиликал входной звонок.

Крутов помял ладонями лицо, как бы стирая след переживаний, и пошел открывать. В квартиру со смехом и приветственными возгласами ввалилась целая компания: Костя Морозов, Саша Зубко, Марат Балязин, Сергей Погорелов, Воха Васильев – все лейтенанты, кроме Зубко – капитана, члены команды «Витязь», самые близкие друзья, с которыми он прожил бок о бок четыре года и прошел много боевых дорог в Чечне, Ингушетии, Таджикистане, Украине, России.

¹ Барс – боевая армейская система защиты-нападения.

– Он уже собирается, – прогудел в бороду Марат Балязин, огромный, как шкаф; в руках он нес два объемистых целлофановых пакета. – Вовремя мы его перехватили.

– Принимай гостей, хозяин, – весело сказал белозубый Саша (хотя все передние зубы у него были не свои – металлокерамические), – будем гудеть. Сам ты, понятное дело, не дотумкал собрать друзей перед дорогой, так мы решили перехватить инициативу.

Ребята гурьбой ввалились в гостиную, сдвинули в угол сумки, переложили неубранные вещи, стали расставлять стулья, посуду на столе, заняли кухню, подтрунивая друг над другом и над хозяином.

Крутов, чувствуя, как у него перехватило дыхание и к глазам подступила теплая влага, сбросил оцепенение и вмешался в процесс, сердито выгнав бывших подчиненных из кухни.

– Наследили тут, навели беспорядок, еще посуду побьете... Идите отсюда, я сам все приготавливаю.

Но его не послушали, засунули в духовку две курицы, стали жарить лук, резать овощи, колбасу, сыр, хлеб, и Крутов вынужден был отступить.

В гостиной Саша сунул ему тяжелый плоский кожаный чехол, напоминавший ножны. Впрочем, это и были ножны. Внутри лежал, мерца синеватым зазубренным лезвием, самый натуральный бетдаггер – так называемая «летучая мышь», кинжал, сочетавший в себе пилу, двухсторонний топорик и собственно кинжал. Это было личное оружие Саши, с которым он не расставался и которое не раз проверил в деле.

– Дарю, полковник, хорошему человеку не жалко.

Крутов, взвесив кинжал в руке и отметив его балансировку – кинжал действительно напоминал по форме летучую мышь, – с чувством пожал руку Саше и метнул бетдаггер в щит в углу комнаты. Кинжал вошел точно в глаз гедзя, нарисованного на щите средневекового японского воина.

– И я кое-что хочу подарить, – подошел к майору Воха Васильев, протягивая Крутову еще один кожаный чехол, чуть поменьше.

Егор вытащил оттуда серповидное лезвие с дополнительным центральным когтем и кивнул, оценив подарок. Это был бяньдао, метательный серп без рукоятки. Воха владел им великолепно. Крутов не решился метнуть бяньдао в щит, и Васильев сделал это сам, воткнув серп в другой глаз нарисованного на щите лица.

Потом они пили легкое вино – шабли и бургундское, ребята практически не потребляли спиртного, – шутили, рассказывали анекдоты, смеялись, вели философские беседы, и ком в груди Крутова почти растаял. Он знал, что не одинок, но не чаял получить доказательства, и его «витязи» решили проблему играючи. Он всегда мог на них положиться, даже будучи уже не их командиром. Точно так же он принял их помощь, когда решил отомстить подонкам, убившим жену.

Убийство было бессмысленным и жестоким, как и вся жизнь «отморозков», не признающих ни существующих норм поведения, ни законов, ни прав людей на собственное мнение и жизнь.

Банда молодых людей в возрасте от девятнадцати до двадцати четырех лет, возглавляемая более высоковозрастным подонком (Шамиль Свиридов по кличке Копченый в свои двадцать девять уже дважды сидел за бандитизм), забавлялась тем, что прокалывала шины у стоящих возле центрального парка автомобилей. Крутов, приехавший с женой отдохнуть, пройтись по аттракционам, отлучился буквально на две минуты, чтобы купить мороженое, за эти две минуты все и случилось.

Наталья, увидев проделки компании, сделала замечание, и молодые подонки, окружив ее с хохотом и угрозами, принялись рвать на ней платье, а когда она стала отбиваться и кричать, кто-то ударил ее ножом. Просто так! Чтобы не кричала. Словно прихлопнул муху!

Крутов, услышав крик, прибежал, чтобы увидеть, как стая бандитов рассыпалась в разные стороны, однако догонять никого не стал, увидев лежащую на тротуаре жену. Она умерла у него на руках...

Следствие, длившееся два месяца, так и не доплелось до финала, потому что вели его, во-первых, неквалифицированно, во-вторых, в банде Копченого оказался племянник начальника отдела милиции Западного района столицы, который постарался закрыть дело «за недостаточностью улик». И тогда Крутов сам начал расследование, в течение недели выйдя на всех участников трагедии, вычислив и главаря, и того, кто убил жену.

Саша Зубко был первым, кто предложил ему помощь в ликвидации банды. Вторым подошел Марат Балязин. А потом собралась группа из семи человек, почти треть всей команды «Витязь». В воскресенье вечером, определив место гуляния банды: Сокольники, ресторан «Луч», – «витязи» вошли в ресторан и за минуту обработали всех подонков, уже изрядно накачанных спиртным. Все были в масках, кроме Крутова. Он подошел к Копченому и его двадцатичетырехлетнему дружку по кличке Люкс и сказал, четко и тихо, не сводя глаз с бледно-бесмысленных лиц бандитов:

- Полтора месяца назад вы убили молодую женщину возле парка Горького. Помните?
- Чево? – прохрипел Люкс, держась за подбитый глаз.
- А-а? – выдал Копченый.
- Вы ее убили, – терпеливо повторил Крутов. – Это была моя жена. Вам все понятно?
- Какого х...?! – выговорил Люкс, вдруг трезвея.

И тогда Саша Зубко легонько ткнул его пальцем в темя.

Люкс умер мгновенно: Саша попал в нервный узел, в точку поражения котю. Копченого ударом в солнечное сплетение убил Балязин. Ребята не хотели, чтобы в этом деле свидетели потом показали, пусть даже случайно, на их командира. Наталья была отомщена, однако эта месть ее не вернула, и душа Крутова еще долго стонала и корчилась, переживая случившееся, хотя слова Саши: это была не месть, а восстановление справедливости, – где-то пересекались с этой горькой истиной.

Убийство двух бандитов (остальных «витязи» весьма здорово покалечили) много шума не произвело, все было сделано так, будто две банды устроили разборку с применением холодного оружия, а Крутова все же вычислили муровцы, и лишь «железное» алиби, тонко разработанное ему сослуживцами, спасло майора от тюрьмы. Правда, он потом все же пострадал: очередное звание – подполковника, которое он давно заслужил, все понимающее начальство так ему тогда и не присвоило...

– Не тужи, командир, – обнял Крутова за плечи Саша Зубко, понимавший, что творится в душе майора. – Можешь всегда на нас рассчитывать. Если понадобится – звони, и мы придем, где бы кто ни находился. И не жалея о содеянном.

– Шел бы ты лесом, утешитель, – грубовато отрезал Крутов, проглотив ком в горле. – Давайте выпьем за то, чтобы наш профессионализм требовался как можно реже.

– И за то, чтобы передохли все террористы! – добавил Балязин. Все дружно встали, со звоном сдвигая рюмки с вином.

Подспела картошка, потом Марат принес противень с распространяющими оглушительный аромат курами, Сергей закончил готовить салаты – он не только умел искусно кидать кинжалы, но и мог этими кинжалами нарезать любой овощ на ломти любой толщины, – заработали челюсти.

– Куда собрался? – спросил Зубко, кивая на сумки.

– На родину, – ответил Крутов, переживая удивительное чувство единения. – Брянская область, Жуковский район, деревня Ковали. Почти вся деревня – родственники, тетки и дядьки.

– А потом?

– А потом суп с котом, – вмешался Балязин. – Не приставай к человеку, пусть отдохнет пару месяцев, прежде чем решать, чем ему заниматься. С его опытом он везде устроится.

– Его опыт слишком специфичен, чтобы он мог устроиться без напряжения, – возразил Костя Морозов, прозванный Кокой за чубчик надо лбом. – Разве что в охранные структуры. Только не думаю, чтобы командир согласился охранять пивзавод или частную контору. Я правильно думаю, Егор Лукич?

– Когда ты успел стать таким мудрым? – удивился Зубко. – С виду лопух лопухом, а мысль излагаешь не хуже моего шестилетнего племянника. Конечно, командир не станет мальчиком на побегушках у новых русских, у него достаточно сил, чтобы изменить ситуацию и зажить в удовольствие. Теперь он сам себе голова.

Крутов улыбнулся.

– Может быть, ты и прав, философ. Только я теперь исповедую другую религию. Один мудрец² изрек: «Вчера я был умным, вот почему хотел изменить мир. Сегодня я мудр, вот почему меняю себя».

Морозов, а за ним и остальные, заплотировали. Кроме Вохи – Владимира Васильева. Этот тихий с виду парень, мастер ниндзюцу и адепт философии дао, видел дальше других и не верил в особый путь бывшего майора безопасности. Крутов перехватил его взгляд и понял, что его личные сомнения, спрятанные в глубине души вопреки высказанной уверенности, имеют под собой основания. Мир вокруг был слишком жесток и неблагоприятен, чтобы разрешить индивидууму жить спокойно в своей личной экологической нише. Да и сам Крутов никогда не проповедовал философии пофигизма, а также не любил людей, исповедующих этот принцип и плюющих на всех остальных людей.

Среди гостей разгорелся спор, должен ли хозяин искать справедливость и восстанавливаться в рядах спецназа. Спорили недолго, пока не надоело Балязину. Перекрывая гвалт и смех, он рявкнул:

– Прекратить бардак! Всем упасть и отжаться!

Смех вспыхнул с новой силой, и спор прекратился.

Крутов понимал, что его таким образом пытаются утешить, успокоить, поддержать, но обидного ничего в этом не чувствовал, ребята все были насквозь свои и понимали ситуацию не хуже, чем он сам.

Разговор перескочил на проблемы школы: у Кости Морозова сын пошел во второй класс, и он выдал несколько историй, происшедших с отпрыском, судя по рассказу, очень смысленным и подвижным мальчуганом. Больше всего хохотали над последним событием, когда жена вечером сообщила Косте, что его вызывают в школу.

– Зачем? – спросил Морозов, с трудом доплывший из ванной до постели после очередной крутой разборки с бандитами.

– Витька стекло опять разбил в школе.

– Черт возьми! – возмутился Костя. – Сколько же у них там стекол?!

Улыбнулся и Крутов, хотя знал, что история, рассказанная Морозовым, – всего лишь пересказ анекдота. Сын у Кости был вполне самостоятельным парнем, однако стекла в школе не бил.

Потом пришла пора прощаться, и майор был страшно благодарен ребятам, по-мужски сдержанно и просто пожелавшим ему добрых встреч, показавшим всем своим видом, что они не вычеркивают его из списков друзей и не видят ничего печального в его судьбе, что они остаются рядом. Лишь Саша Зубко, встряхивая ладонь Крутова, по-особому глянул на него и сказал странную фразу, которую Егор потом вспоминал не раз:

² Шри Чинмой.

– Когда вернешься, не спеши принимать судьбоносные решения. Сначала позвони мне, хорошо?

– Хорошо, – слабо улыбнулся Крутов, не спрашивая, почему балагур Сашка, с виду трепач и повеса, а в душе – философ и тонкий знаток эзотерических учений, считает, что его бывший командир вернется. Но чувствовалось, что Зуб (кличка прилипла к нему еще со школы) *знает*, о чем говорит. И вдруг Крутову показалось, что он стоит, связанный по рукам и ногам, на пороховой бочке, и уже кто-то черный, злобный и страшный, с провалом вместо лица, спешит поджечь фитиль...

Брянская губерния Крутов

Из Москвы Крутов выезжал с чувством неопределенного ожидания чего-то: все казалось, что ему позвонит кто-нибудь из руководства управления и прикажет прибыть на базу под Орехово для дальнейшего прохождения службы. При подготовке машины – у него был «Рено-Меган» – и посадке возникло ощущение, что он что-то забыл, хотя забывчивостью никогда не страдал. На всякий случай Крутов добросовестно перебрал в памяти все, что необходимо для дороги, проверил оружие: бетдагер и бьяндао он положил в бардачок, пистолет (штатный «макаров-М1» с лазерным указателем) под сиденье – у него имелось разрешение на ношение личного оружия как у офицера-оперативника ФСБ, и никто его, конечно, не забрал. После чего Крутов сел в машину и с некоторым сомнением в своей нормальности выехал со двора. Лишь за Кольцевой автодорогой он понял, что интуиция просто предсказывает ему скорое возвращение, хотя сам он возвращаться в столицу в ближайшие два-три месяца не собирался.

До Брянска он доехал за три с половиной часа, проходя подновленные участки шоссе со скоростью сто шестьдесят километров в час, послушно притормаживая в попадавшихся на пути селах и городках, и даже остановился на взмах жезла инспектора ГАИ в Малом Полпине, который, узрев удостоверение Крутова, от неожиданности взял под козырек. В Брянске Егор пообедал плотно – шел уже пятый час дня – и в начале шестого выбрался на Смоленскую дорогу, ведущую к районному центру Жуковка, откуда он мог добраться до родных Ковалей, располагавшихся от Жуковки в пятнадцати верстах.

Чувство, заставившее его остановиться возле одного из курганов недалеко от Сельцовского городища – по преданию курганы на Брянщине были насыпаны еще во времена походов Батая, – вряд ли мог объяснить сам Крутов. Во-первых, вспомнился его странный сон с торчащими из земли руками мертвецов. Во-вторых, показалось, что старик, сидевший сбоку от дороги, рядом с обшарпанным «жигуленком» четвертой модели, плачет.

Крутов остановился, сдал назад, вышел из машины, приглядываясь к старику, вытиравшему ладонью лицо, и понял, что тот действительно плачет.

– Что случилось, отец? – подошел к нему Егор, только теперь заметив, что вокруг рассыпано зерно, раскиданы картофель и морковь, а колеса у «жигуленка» спущены.

– Варнаки ловитву³ устроили, – поднял морщинистое мокрое лицо дед, обнаруживая знание местного диалекта. – Подъехали на мотоциклах, попросили бензину, а потом вот... – дед беспомощно кивнул на свою самобеглую коляску, с виду такую же старую, как и он сам.

– Что, просто так, от нечего делать? – не поверил Крутов, уже понимая, что несчастный труженик села нарвался на банду местных хулиганов на мотоциклах. – Может, ты их чем-то обидел?

Дед махнул рукой, отворачиваясь, и в душе Егора ворохнулась тяжелая дубина гнева. Как сказал бы штатный психосоциолог конторы: несмотря на некое улучшение финансово-экономической ситуации, в стране продолжается падение духовного потенциала, ухудшается морально-психологическое состояние общества. Выливалась же эта формулировка в конкретное проявление агрессии, в бессмысленные разбои, хулиганство и бандитизм, в зверские прорывы низменных инстинктов. И рождалась эта волна уже не по приказу свыше, а внутри народа как результат общего падения закона нравственных колебаний. Крутову вспомнилось признание одного отечественного мыслителя, разработавшего теорию социальных катаклизмов: «Предвестниками событий 1917 года стали жестокие и бессмысленные погромы дворянских

³ Варнак – беглый каторжник, бандит; ловитва – разбой, грабеж (ст. рис).

имений в России, бессмысленное уничтожение домов, парков, оранжерей, церквей, икон, библиотек, мебели, картин – всего того, что этим самым народом создавалось веками... Наш народ всегда сам уничтожал свое будущее, и то, что с ним потом произошло, он подготовил своими руками. Поэтому я не могу сострадать ему в должной мере». Крутов в принципе был согласен с мнением мыслителя, однако душа его еще не зачерствела до состояния хлебной корки, и, обливаясь слезами о судьбе народа в целом, он сочувствовал отдельным его представителям.

– Давай помогу, отец. Клей, резина есть?

– Да откуда им быть, мил человек? Я даже ноне без запасного колеса ездию, денег нема, штоб купить.

– Понятно. Сколько же тебе лет, если не секрет?

– Годков-то? Полдоста⁴ десятка, – вздохнул дед, поднимаясь. – Спасибо за добрые слова, мил человек. Дай Бог тебе здоровья. Почапаю пешком, свояк поможет.

– Давай я тебя хоть на машине подброшу, чай, не спешу.

– Да я недалече тут живу, на Выселках.

– Все ж не ногами дорогу мерить. Садись, отец.

Крутов помог деду, которого звали Селиваном Федотовичем, собрать зерно, овощи, усадил его в машину, и они поехали обратно в сторону Брянска. Однако до поворота на Выселки не доехали. Буквально в трех километрах от того места, где на Селивана Федотовича напали хулиганы на мотоциклах, Крутов увидел бегущую к дороге по полю овса женщину в платке, за которой гнались два парня на мотоциклах. По тому, как напрягся дедок, Крутов понял, что парни ему знакомы.

– Они? Это они просили бензин?

– Они, башибузуки, ёры проклятые! Старшой у них – совсем страшный человек, настоящий бардадым⁵, хучь и молодой.

Крутов нашел съезд с шоссе в небольшой овражек за обочиной и, выехав на поле, рванул машину к двум лихачам на ревуших мотоциклах, кружившим вокруг женщины, которая остановилась и застыла в позе отчаяния, прижав стиснутые кулачки к груди.

Маневр Крутова был так быстр и неожидан, что мотохулиганы отреагировать на него не успели. Первого парня, в черной майке с черепом и черной повязкой через лоб, майор сбил, догнав сзади, второго – заехав чуть ли не в лоб: тот рванул руль вправо и вывалился в метельчатые заросли овса.

Егор остановил машину, заглохли и мотоциклы, наступила тишина. Женщина, оказавшись совсем не старой, чуть ли не ровесницей самого Крутова, стояла, округлив глаза, и лишь по привычке поправила выбившиеся из-под платка светлые волосы.

Крутов вышел из машины, поглядел на бампер своего «Рено» и, не заметив царапин и вмятин, удовлетворенно кивнул: взял он мотоциклистов «на абордаж» вполне квалифицированно. Подошел к женщине, отметив живую глубину ее прозрачных серых глаз, слегка поклонился.

– Извините, что я вмешался. Чего они от вас хотели?

– Не знаю, – прошептала женщина, и вдруг глаза ее наполнились слезами. – Я корову доила, а тут они налетели... молоко разлили... Пасену испугали... а остальные в деревне гулимоня⁶.

Крутов поднял голову, прислушиваясь. Из-за редкого сосняка в распадке, откуда выглядывали крыши домов близкой деревни, доносился треск и грохот мотоциклетных моторов и чьи-то веселые вопли. Банда байкеров «гулимонила».

⁴ Десяносто пять.

⁵ Ёра – лихой человек, забияка; бардадым – здоровенный верзила (ст. рус).

⁶ Гулимоны – забавы, гулянье, развлечения.

– Ты чё, псих! – пришел в себя мотоциклист в черной майке с черепом. – Ты чё сделал? Ты же мне аппарат угробил! Знаешь, чё мы тебе сделаем?

– Яйца оторвем! – пообещал второй, вылезая из-под своего мотоцикла, рыжий, худой, небритый, в грязной рубаше, с пейджером на ремне. Вид у него был столь потешен, что Крутов невольно улыбнулся в душе, вспомнив услышанное: раньше говорили – черт-те что и сбоку бантик. Теперь это звучало иначе: черт-те что и сбоку пейджер.

– Ну, фраер, сам напросился! – «Черносотенец» с повязкой через лоб неожиданно ловко достал и крутанул нож-бабочку. – Или ты платишь за борзость, не поднимая кипежа, или я тебя щас порежу, кишки выпущу!

Крутов вздохнул и шагнул вперед.

Вряд ли мотоциклист успел сообразить, что произошло.

Нож вдруг вырвался у него из руки, в голове вспыхнуло пламя, ноги оторвались от земли, начался свободный полет «в невесомости»... который закончился в кустах метрах в четырех от мотоцикла. Второй байкер дожидаться своей очереди не стал, рванул к лесу, демонстрируя смекалку и приличную скорость. Крутов сел в машину, где его ждал обиженный байкерами дед, несколько оживший после показательного выступления майора.

– Ну-к, ты и вяхи⁷ раздаешь! – крикнул он. – Не дай Бог – окочурится сердешный!

– Выживет, – усмехнулся Крутов, высунул голову из окна, обращаясь к женщине: – Вас подвезти?

– Не надо, – опасливо отступила она, – сама доберусь. Спасибо вам.

Егор погнал машину по полю, пока не выехал на проселочную дорогу, ведущую к Выселкам. Через пять минут он был в деревне.

Выселки представляли собой одну длинную улицу, идущую вдоль оврага, с двумя десятками разнокалиберных домов, одним колодцем посередине и одним магазином под названием «Сельпо». В разгар лета здесь царили зной и пыль, и спасало от этого деревню только отсутствие постоянного потока автотранспорта и ухоженные сады. В настоящий же момент навонившая деревню дивизия байкеров – Крутов насчитал полтора десятка мотоциклов, три из которых носились из конца в конец деревни, – превратила улицу в реку пыли и грохота, от которого в панике разбегались куры, собаки и прочая домашняя живность, а люди глохли, как от стартового авиалайнера.

Селиван Федотович приуныл, заерзал на сиденье, с сомнением поглядывая на водителя. Вид его красноречиво говорил: лучше бы с ними не связываться! Крутов похлопал его по плечу, остановил машину у колодца, поразмышлял несколько секунд – брать ли с собой оружие или нет, и решил не брать.

– Пошли, отец, – сказал он, – восстанавливать справедливость.

Главаря байкеров, действительно выглядевшего настоящим бардадымом – за два метра ростом, могучего телосложения, с громадным пузом, обладавшего бордового цвета круглой физиономией с глазками неопределенного цвета и носом-туфлей, Крутов обнаружил в саду, окружавшем один из опрятных домиков под черепичной крышей. Здесь же сгрудились устрашающего вида железные кони мотоциклистов, обвешанные кучей прибабасов от дополнительных фонарей и стоп-сигналов до обтекателей и труб, антенн, счетчиков, эмблем, фигурок зверей и птиц. В окружении молодых и молодых в коже и черных майках бардадым лакомился клубникой, которую ему собирали подчиненные, вытаптывая при этом цветы, грядки с овощами и не обращая внимания на причитания хозяйки усадьбы, пожилой женщины с неизменным платком на голове. Она стояла у крыльца, то и дело вытирая слезы кончиками платка, но подойти к бесчинствующим гостям боялась.

⁷ Вяха – затрещина, удар.

Мимо пронесся орущий во всю глотку молодой человек на своем «Харлей-Дэвидсоне». Увидев идущих Крутова и Селивана Федотовича, он резко свернул к ним, желая, видимо, обдать пылью, заставить отскочить, и Егор, увернувшись, ударом ноги выбросил наездника из седла. Мотоциклист пролетел по воздуху несколько метров, врезался в деревянный штакетник, едва не сломав его, и затих на некоторое время. Его мотоцикл заглох, пропахал борозду в дороге и уткнулся в стоящие мотоциклы. Стало тихо. Лишь на другом конце деревни взревели моторы: еще двое байкеров гонялись там за курами.

Команда вожака стаи, с хохотом кормившая своего повелителя, примолкла. Оглянулся и он, увешанный цепями и бляхами, не человек – киборг, монстр из американского «светлого» будущего. На вид ему можно было дать лет тридцать.

– Эй, морда, – окликнул вожака Крутов негромко, но так, что его слышали все. – Забирай свою кодлу и выметайся отсюда. И побыстрее, а то я рассержусь.

Гигант озабоченно моргнул, с недоумением посмотрел на своих притихших приятелей.

– Это он мне?!

Молодцы и девицы разом заржали.

Крутов подошел к стаду мотоциклов, определил машину главаря – самую мощную, круглую и навороченную, и одним ударом ребра ладони отбил металлический штырь с зеркалом.

– Я жду.

Смех стих. Молодые люди, озадаченные действиями незнакомого мужика в джинсах и футболке, высокого и жилистого, невозмутимого и спокойного, стали переглядываться, бросая взгляды на вожака, и тот, побагровев еще больше, рявкнул:

– А ну-ка, воины, откнокайте этого караса! Он мне аппарат убезобразил, падла!

Трое парней перескочили через забор, выдергивая из него штакетины, четвертый достал длинную металлическую цепь. Именно его и взял первым Крутов, не ожидавшего стремительного нападения, приготовившегося к потехе.

Парень улетел в заросли лопуха у колодца, а цепь, оказавшись в руках майора, тут же нашла жертву: взвизгнув от боли, завертелся вьюном молодой человек слева с буйной порослью на голове, – прической назвать ее было трудно, – выронил штакетину и отскочил. Блокировав цепью удар палкой второго нападавшего, Егор перетянул через плечо и его, принудив спастись бегством. Третий пытался оказать сопротивление и продержался три секунды, пока удар цепи не выбил у него из рук импровизированную дубинку. Затем цепь обвилась вокруг его шеи, последовал рывок, и низкорослый отрок с петушиным гребнем вместо волос кубарем покатился по земле.

– Хороший шнурок, – одобрительно собрал цепь в руке Крутов, – почти манрики-гусари. – Глянул на обалдело взирающую на него компанию. – Ну так как, господа хулиганы, будем и дальше вести разговор в том же духе? Или вы добровольно оседлаете своих коней? Кстати, не забудьте заплатить этому пожилому человеку за ремонт его автомобиля. Вы прокололи ему колеса.

– Ах ты, гнида! – пришел в себя вожак стаи и попер из сада на улицу, проломив забор, как танк. На широком кожаном поясе его со множеством заклепок висело не меньше десятка цапок, в том числе яйцо тамагочи, и Крутов невольно покачал головой. Эти небольшие брелоки с экранчиком и тремя кнопками, в которых «жили» маленькие виртуальные зверушки, выпущенные в свет японской фирмой «Bandai Co», уже давно стали модными во всем мире, в России же они только начинали завоевание рынка, и первыми обладателями игрушек стали почему-то люди с ущербной психикой, бандиты, террористы, бизнесмены. Не считая молодежи.

Вожак байкеров был почти на голову выше и вдвое шире Крутова, однако никакими видами борьбы никогда не занимался, привыкнув надеяться на свою природную силу. И удар он держал великолепно, как бык – щелчок пальцем по лбу. Во всяком случае, первые два удара

Крутова: кулаком в подбородок и ногой в живот, – он словно бы и не заметил. Не остановили его и удары ребром ладони по мощным ляжкообразным рукам и сбивающие круги ногой по лодыжкам. Он пер вперед и желал только одного – заключить Крутова в объятия, из которых тот, вполне вероятно, уже и не освободился бы живым. Тогда Егор вошел в *пустоту*, и его боевые инстинкты вывели его на иной уровень боя, позволяющий не убивать противника.

Сначала он остановил напор гиганта толчком в грудь растопыренными пальцами руки, а затем сделал выпад «копытом лошади» – согнутыми костяшками пальцев в лоб противника. Хрюкнув, вожак байкеров пошатнулся и тяжело рухнул навзничь, едва не угодив на сруб колодца.

Сзади раздалась аплодисменты. Крутов оглянулся. К ним подходили трое парней в камуфляжных комбинезонах спецназа, двое – в вязаных масках, третий – с открытым, располагающим к себе, скуластым лицом, на котором выделялись желтые кошачьи глаза. Взгляд его был колюч и насмешлив, выдавая характер неукротимый и упрямый. Это был взгляд *профессионала*. Возраст его вряд ли превышал двадцать восемь – тридцать лет. Именно этот парень и аплодировал Крутову.

– Мастерски деретесь, – сказал он, останавливаясь у ног лежащего гиганта, в то время как его спутники стали пинками сгонять байкеров в кучу. – Спасибо за помощь, вы, по сути, сделали нашу работу.

– Кто вы? – полюбопытствовал Егор.

– Дорожные мстители. Слыхали, может быть? Идем по следу одной серьезной мотобанды, но это, к сожалению, не они. – Парень с презрением сплюнул на медленно приходящего в себя вожака байкеров. – Саранча! Хотя тоже, конечно, подонки изрядные. Петро, – повернул он голову к одному из своих спутников, – мотоциклы отволочь за околицу и в овраге сжечь, их хозяевам наkostenять по шее и отпустить. С вожаком поговорить посерьезней, чтоб не вздумал потом снова собирать команду.

– Сделаем, – пообещал Петро.

– Круто вы с ними, – покачал головой Крутов.

– А иначе нельзя, задавят. Внушить им благие намерения невозможно, так пусть хотя бы боятся. А вы не простой гражданин. – Молодой человек с кошачьими глазами прошелся оценивающим взглядом по фигуре Крутова. – Оч-чень непростой, судя по владению приемами барса и дим-мака. Часом не из конторы будете?

Так мог выразиться только человек, сам имеющий отношение к конторе, то есть ФСБ или другой спецслужбе, и Крутов вдруг ответил откровенно, парень ему понравился:

– Уже нет. А вы случайно не оттуда?

– Тоже уже нет, – засмеялся молодой человек, сунул Егору сухую твердую ладонь. – Панкрат. – Снова засмеялся. – Это меня дед так назвал, не отец, крутой был мужик, царство ему небесное.

– Егор, – представился Крутов. – Бывший полковник-«ходок». Еду на родину, отсюда уже недалеко, в Жуковском районе есть деревенька Ковали. – Он оглянулся на Селивана Федотовича, о чем-то разговаривавшего с хозяйкой подвергшейся набегу усадьбы. – Хотел помочь деду, эти шакалы разбили ему машину.

– Ясно. За что тебя «ушли»?

– За неподчинение приказу.

– Надо же, – удивился Панкрат, – и меня тоже вышибли из службы за то же самое! Бывают в жизни совпадения. Тебе еще далеко ехать?

– Километров двадцать пять в общей сложности.

– Будь осторожен. В этих краях на дорогах разбойничает стая бандитов посерьезней этой вшивой команды. – Панкрат кивнул на потерявшую прежний блеск и азарт группу байкеров. – Оружие у тебя есть? Может, одолжить на всякий случай?

– Не надо, кое-что имеем. По вечерам я никуда ездить не собираюсь, а днем они вряд ли посмеют напасть.

– Ошибаешься, мой друг, действуют они нагло и открыто, и раздевают в основном иномарки. К тому же у них в ГАИ есть свои люди, небось уже дали ориентировку на твою машину: весьма заметный аппарат. В Брянске тебя останавливали гаишники?

– Дважды.

– Вот видишь. Ну, бывай. Может, заеду как-нибудь в гости. Как твоя деревня, говоришь, называется?

– Ковали.

Панкрат хлопнул ладонью по подставленной ладони Крутова и направился вслед за своими спецназовцами, конвоирующими притихших, плохо соображающих, что происходит, любителей вольной жизни и рева мотоциклетных моторов. Из подъехавшего мощного джипа высадились еще трое парней в камуфляже и принялись подцеплять мотоциклы к заднему фороккофу. Восемь мотоциклов они поставили на колеса боками вместе, образовав две платформы, остальные положили сверху. Уехали. В деревне стало так тихо, будто ее внезапно накрыло ватное покрывало. Дед Селиван Федотович, вытянув шею, и хозяйка дома с разоренным огородом, приставив козырьком руку ко лбу, смотрели вслед исчезнувшим «мстителям», прислушивались к тишине и молчали, потрясенные развязкой драмы. Потом в некоторых домах деревни стали робко открываться двери, появились первые жители, прятавшиеся до этих пор по домам. Где-то закричал петух, ему откликнулся второй, третий. Жизнь продолжалась, жизнь села российской глубинки, неторопливая и спокойная, не приемлющая шума и космических скоростей, отвергающая суетливость и нервозность, жестокость и страх.

– Ах, черт! – спохватился Крутов, вспомнив, что хотел отобрать у мотохулиганов средства на ремонт автомобиля Селивана Федотовича. Но тот, поняв, о чем идет речь, замахал руками и перекрестился:

– Упаси меня Господь брать у этих варнаков мзду, чай, не скудаюсь⁸, сам управлюсь с ремонтом. А тебе, паря, спасибо за помощь, очень нам понравилось, как ты прилобанил этого пузатого бардадыма. Может, в гости зайдешь? Моя хата с краю, старуха стол накроет.

– Благодарю за предложение, отец, но пора и мне ехать домой. Желаю здоровья всем.

Крутов сел в машину и выехал из деревни. Из оврага справа поднимались в небо клубы дыма, там горели мотоциклы байкеров, но Егор не стал останавливаться. К этому моторизованному племени пофигистов он жалости не испытывал.

⁸ *Скудаться* – нуждаться, испытывать недостаток в чем-либо.

Деревня Ковали Крутов

Шел седьмой час вечера, когда Крутов свернул со Смоленской трассы, проехал Летошники, Гостиловку, пересек железнодорожные пути и остановил машину на площади у Жуковского вокзала. Не потому, что захотел полюбоваться архитектурными красотами райцентра, а потому, что ему пришлось остановиться: Жуковка встретила его странной молчаливой демонстрацией, в которой участвовало по меньшей мере пятьсот человек.

Процессия, ведомая седым мужчиной с траурным крепом на рукаве пиджака, медленно двигалась по дороге, собирая любопытных ребятишек и женщин. Пара милиционеров наблюдала за ней издали, но регулировать движение не пыталась. На лицах молодых ребят было написано молчаливое сочувствие и понимание.

Крутов выбрался из кабины, подошел к негустой толпе у вокзала, наблюдавшей за процессией, и тихо обратился к пожилой женщине со скорбными глазами:

– Что случилось, мать? Что за шествие?

Женщина не ответила, словно не услышала вопроса, зато ее соседка, старуха лет семидесяти, осенявшая себя торопливыми крестами, обернулась к майору:

– Второй раз идут, мил человек. Первый в мае прошли, когда девочку восьмиклассницу подружки убили.

– Так это похороны?

– Какие похороны – «черный марш», как говорят, против... этой... разгульности... преступленности...

– Разгула преступности? – догадался Крутов.

– Ее, ее, – закивала старуха, снова начиная креститься.

Крутов продолжил расспросы и в результате узнал, что причиной марша стало убийство девятнадцатилетнего парня, приехавшего к родителям после окончания первого курса Брянского машиностроительного института.

Евгений Сергачев отмечал с друзьями успешную сдачу сессии возле Жуковского дома отдыха, на берегу Десны, когда к ним подошли четверо накачанных парней с бейсбольными битами. Завязалась ссора, драка. «Спортсмены» похитили Сергачева и увезли с собой. Мучили, истязали его пять дней, пока не забили до смерти. Ни за что, из спортивного интереса. Труп аккуратно закопали.

Убийц удалось поймать: четверых молодых парней, неплохих, кстати, спортсменов-футболистов, в возрасте от восемнадцати до двадцати лет, и молодую женщину, оказавшуюся вожаком банды. В свои двадцать два года она была матерью троих детей и оказалась жестокой садисткой, по сути, добившей Сергачева. Как потом показало следствие, на счету банды числилось еще два убийства и разбойные нападения на отдыхавших ветеранов в домах отдыха Брянской области.

Процессия свернула к центральному проспекту Жуковки, собираясь провести митинг у здания местного отделения внутренних дел. Крутов задумчиво глядел ей вслед, и душу раздирали противоречивые чувства. С одной стороны, он был рад возвращению, с другой – огорчен и расстроен таким совпадением, встречей с траурной процессией, с третьей – вдруг понял, что возвращается вовсе не домой, не в страну детства, а в другую страну, совершенно не похожую на прекрасные картины детства, живущие в памяти. Семнадцать лет назад, когда он уезжал из Ковалей и из Жуковки, людей ради спортивного интереса не убивали.

Так, с растрепанными чувствами, удивляясь своей сентиментальности, Крутов и выехал из райцентра, решив не заезжать к дядьке Ивану, который жил недалеко от железной дороги.

Остро захотелось поскорей увидеть родные места, вдохнуть полузабытый запах родины и вспомнить молодость, что тоже, в общем-то, не было свойственно полковнику безопасности в расцвете сил, обладающему трезвым взглядом на жизнь и накопившему кое-какой жизненный опыт.

Пятнадцать километров от Жуковки до Фошни Крутов преодолел за двадцать минут, а вот оставшиеся три до Ковалей ехал со шмящим чувством узнавания и ожидания. Знаком был каждый куст, каждое дерево, каждый поворот дороги. За мостом через Березну он и вовсе остановился, разглядывая уходящее вправо болотце, где он когда-то собирал малину. В памяти всплыли строки Некрасова:

И вот они опять, знакомые места,
Где жизнь отцов моих, бесплодна и пуста,
Текла среди пиров, бессмысленного чванства,
Разврата грязного и мелкого тиранства...

Егор усмехнулся невольно, мысленно произнося последние слова. Мелкого тиранства в жизни отца и деда было много, а вот насчет пиров и разврата – чего не наблюдалось, того не наблюдалось. Зато хватало работы и беспросветной нужды: дед с войны вернулся инвалидом и вынужден был хвататься за любую работу, отец же пил по-черному, хотя, в сущности, был человеком незлобивым и мягким. Умер он два года назад в возрасте шестидесяти лет, почти вслед за дедом. Мать Крутова, переехав к родственникам по линии бабушки на Украину, пережила отца всего на один год. Зато бабка Аня в возрасте девяноста семи лет еще держалась молодцом, Егору в прошлом году удалось навестить ее и получить заряд бодрости и любви, в которых он подспудно нуждался, не признаваясь в этом даже самому себе. В Ковалях же у него остались только двоюродные дядьки – двое, Осип и Василий, тетки – трое, Ксения, Валя и Фруза, и двоюродные сестры – тоже трое, Татьяна, Нина и Лида, имевшие собственные хозяйства и подрабатывающие на полях бывшего колхоза «Ленинский путь», теперь – агрофирмы «Медвежий угол».

Сдерживая сердцебиение, Крутов подъехал к деревне, обогнав какого-то велосипедиста – незнакомую девушку в джинсах и футболке, и притормозил на пригорке, глядя на панораму Ковалей. Его дом, в котором он прожил без малого восемнадцать лет, стоял вторым от дороги, на берегу небольшого пруда, и с виду совсем не изменился: оцинкованная крыша, светящаяся нежным янтарным блеском мансарда, стеклянная веранда, полускрытая яблонями (антоновка и штрифель), зеленые дощатые стены, антенна над крышей, за высоким – в рост человека – деревянным забором из ровных фигурных досок кусты черемухи и сирени. Какими словами можно выразить чувства человека, вернувшегося домой после долгих странствий? Не было этих слов и у Крутова.

Девушка на велосипеде проехала мимо, глянув на водителя с явным интересом, но мысли Егора были заняты другим, и на взгляд из-под густых длинных ресниц он не отреагировал никак. Отпустил тормоз, тихо скатился с пригорка к дому и остановил машину у ворот. И тотчас же запахнулась дверь в сени, словно его здесь ждали, и на пороге возник дядька Осип, великан с круглой лысой головой и седыми усами, громадный и меднолицый, с хитрыми вечно смеющимися глазами. Он был старше Крутова на тридцать лет, однако выглядел гораздо моложе, несмотря на почти голую голову.

– Батюшки светы, никак Егорша приехал! – пробасил он, приближаясь и вытирая громадные руки о фартук; видно, готовил ужин. – Вспомнил наконец. Баба Аксинья ономясь⁹ тебя во сне видела, будто бежал ты по болоту голый, а за тобой какая-то девица невиданной

⁹ Ономясь – недавно.

красоты гналась. Грит: это ён приедет непременно. Вишь, ты и прикатил. Ну, проходи, проходи, чего застрял? Дом-то твой теперя. А я тут ужин варганю.

Они обнялись. От дядьки вкусно пахло дымом, стружками и жареным луком. Он обхватил Крутова за пояс и приподнял от земли на метр, демонстрируя хватку охотника на медведей. Судя по всему, силы в его руках не убавилось. Егор еще помнил, как эти руки подбрасывали его, мальчишку, вверх на добрых два метра и шутя валили с ног быка, ухватившись за рога.

– Топай, племяш, – подтолкнул его к дому дядька. – Комната твоя стоит нетронутая. Аксиныя кажен день молится на нее.

– А где она?

– К Фросе пошла, за молоком.

Крутов вошел в прохладные сени, где стояла кадка с колодезной водой, лежали дрова, а по стенам был развешан домашний инвентарь, потом шагнул в дом, жадно разглядывая его убранство, не менявшееся из века в век.

Справа стояла огромная русская печь с лежанкой, на которой он когда-то по вечерам в зимнюю пору любил читать приключения и фантастику, коник напротив – скамья в виде длинного ящика с крышкой, стол с выскобленной до блеска столешницей, слева – комната бабушки Ули, покойницы, дальше горница на полдома с телевизором в углу, сервантом, кроватью и столом с четырьмя стульями, и за печью – две спальни. Крайняя принадлежала ему, Егору Крутову.

Не замечая сочувственного взгляда дядьки, полковник с неким внутренним трепетом вошел в спальню и споткнулся, увидев на этажерке с книгами, которые он собирал в детстве, фотографию: он и Наталья, обнявшись, стоят под яблоней. Этой фотографии было ровно пять лет.

– Ну, ладно, ты давай устраивайся, – прогудел сзади Осип, – а я пойду дела доделывать. Ужинать будем через полчаса. Потом в баню. Я как знал, что ты приедешь, с утра истопил. Или ты сначала желаешь в баню, а потом ужинать?

– Сначала в баню, – обрадовался Крутов. – Жаль, пива захватить не догадался. Чего улыбаешься? Или и пиво у тебя в холодильнике припрятано?

– А то! – ухмыльнулся дядька, удаляясь на кухню. – Местное, конечно, «Дебрянское» называется, но очень вкусное. Кстати, и сиводер имеется, если вдруг захочешь опохмелиться.

Крутов улыбнулся. Сиводером местные мужики называли самогон, причем по многим параметрам он был качественнее государственной водки. Но Егор спиртное такого свирепого градуса не пользовал, позволял себе лишь пиво да легкое вино.

– Надьсь встрел твоего дружка, Мстислава Калиныча, – продолжал Осип, возясь у печки. – Ничуть не изменился человек, только важным стал, осанистым.

Крутов, стягивая с себя рубашку, вышел из спальни с удивленным видом.

– Учитель был в Ковалях?!

– В Жуковке, я туда по делам ездил, за семенами. Сидел он в автомобиле навроде твоего, с какими-то важными такими господами в костюмах и при галстуках. Меня увидел, но сделал вид, что не узнал. Ну, и я, понятное дело, не стал подходить.

– Ты точно его видел?

– Обижаешь, генерал, – укоризненно проговорил дядя, выглядывая из-за печки. – Глаз у меня еще зоркий, комара за версту видит.

– Странно... – Крутов переоделся в спортивный костюм. – Что Мстиславу делать в Жуковке? Он же в столицу подался...

Мстислав Калинович Джехангир был первым учителем Егора по рукопашному бою – в те времена это называлось «карате» – и смог дать юному Крутову главное – волю к победе и умение добиваться поставленной цели. Технику реального боя Крутов изучал уже под руководством инструкторов комитета.

– Надолго-то в наши края? – снова выглянул в горницу Осип. – Или снова на два-три дня?
– Насовсем, – вздохнул Крутов.

Дядька высунулся в изумлении – руки в муке, уставился на племянника.

– Али выгнали со службы?

– Уволили, Демьяныч. – Крутов подумал и, вспомнив местный термин, добавил: – За огурство¹⁰.

От расспросов его спасло появление супруги Осипа, бабки Аксиньи, дородной и неспешной женщины, ходившей, сколько помнил себя Крутов, в одном и том же наряде: понева со множеством оборок и убрус – платок, расшитый узорами, расписанный золотом и жемчугом. И выглядела она всю жизнь одинаково доброй, с кротким ласковым лицом, которое не брали невзгоды и старость.

– Мальчик приехал, Егорша мой родной, – запричитала Аксинья, бросаясь обнимать и целовать Крутова. – Какой зазвонистый¹¹, ладный! А я смотрю – машина-от вроде не наша, не местная, думаю, кто это к нам на такой красавице...

Несколько минут Крутову пришлось терпеть ее поцелуи, слезы, ахи да охи, расспросы и причитания. Потом Осип решительно отодвинул жену в сторону:

– Все, хватит тресбесить¹² и нюни разводить, размокнет. Готовь на стол, я икру и суп уже сготовил, а ты все остальное ставь. Пусть человек пока в баню ходит. Габерсуп небось давно не хлебал?

Крутов с улыбкой покачал головой. Габерсупом Осип называл овсяный суп с крапивой и грибами.

Ему дали простыню, полотенце, проводили во двор, где стояла новая баня, поставленная уже Осипом, и вскоре Егор сидел в парилке и с удовольствием хлестал себя по спине березовым веником, разомлев от жары и приятных чувств. Блаженство, наступавшее после бани, он не испытывал давно.

Через час распаренный, розовый, благоухающий травами и березовым духом, счастливый, переполненный ни с чем не сравнимым чувством *чистоты* тела, он сидел за столом в компании родственников: прибежал дядька Василий, подвижный, худой, с гривой черных волос без единого седого волоска – несмотря на солидный возраст, пришли тетки – Ксения и Валя, и сестры – Нина и Лида. И Крутов впервые за много лет (со времени своего последнего появления на родине с женой) почувствовал себя семейным человеком.

Верховодил за столом, конечно, Осип, умело направляя разговор, сыпля прибаутками и анекдотами, подшучивая над всеми, в том числе и над Крутовым, почти не вмешивающимся в общую беседу. Егор с эйфорическим удовольствием слушал дядьку, и мысли его были легки и просты, занятые только теми, кто сидел рядом. Осип же смешил и смешил всех, неистощимый на выдумку и острое слово. Обладая истинно русским характером, он всю жизнь стойко терпел лишения, любил выпить, хотя до скотского состояния никогда не напивался, любил поесть и побалагурить, побунтарствовать – среди равных ему, был везде лидером и нередко кидался из крайности в крайность. Последнюю черту его характера хорошо иллюстрировал тот факт, что еще пять лет назад, когда Крутов приезжал в Ковали с Натальей, Осип был рьяным атеистом, сегодня же, судя по иконам в горнице и постоянным поклонам красному углу с иконой Божьей матери, дядька ударился в богоискательство, правда, не теряя при этом природного юмора и добродушия.

Аксинья, бдительно присматривающая за «енеральным» гостем, подложила ему в тарелку «чертовой бороды», и Крутов, давно не едавший икры из кочетыжника, он же орляк,

¹⁰ Огурство – своеволие, строптивость.

¹¹ Зазвонистый – важный, знатный, великолепный.

¹² Тресбесить – говорить вздор, нести околесицу.

а проще говоря – папоротник, с удовольствием очистил тарелку. А поскольку на расспросы о житье-бытье он отвечал коротко и неохотно, женщины завели беседу о видах на урожай, перешли на местные новости и сплетни и говорили бы долго, если бы не неумолимый Осип, принявшийся травить анекдоты. Все они были с бородой, и все же успех у аудитории имели шумный. Однако на последнем Крутов задремал, и вечер кончился. Его всей гурьбой отвели в спальню, уложили на кровать с хрустящими простынями, и в доме наступила тишина. Последней мыслью Крутова была удивленно-благодатная: как же здесь хорошо!..

* * *

Утром он по привычке встать рано проснулся в семь часов, но, вспомнив, где находится, повернулся на другой бок. Окончательно Егор встал в начале десятого, уловив прилетевшие с кухни запахи поджаривающихся шкварок: баба Аксинья пекла блины.

– А где Демьяныч? – Егор вышел из спальни в спортивных трусах, обнял сзади Аксинью, чмокнул в щеку.

– По грибы пошел, – расплылась в улыбке стряпуха, румяная от печного жара; печку она летом не топила, но ради гостя решила истопить, попотчевать его деревенской вкуснятиной.

– Я пока физкультурой позанимаюсь, через полчаса прибегу.

Крутов вышел во двор, по которому бродили куры, заглянул в «хитрый домик», который Осип оборудовал унитазом без дна, и сделал в саду за домом зарядку, после чего выбрался через огород к пруду и побежал вокруг, вдыхая всей грудью чистый, не отравленный никакой химией или газами воздух, напоенный ароматами трав и цветов. А спрыгивая с огромного пня на тропинку, ведущую в лес, неожиданно нос к носу столкнулся с девушкой на велосипеде, которую встретил еще вчера, при въезде в деревню, только на сей раз на ней был летний легкий сарафан вместо джинсов, а волосы были распущены, а не увязаны в длинную косу.

Она бы упала с велосипеда, если бы Егор не успел подставить руку.

– Простите... держитесь.

– А вы не выскакивайте из леса, как леший... извините.

Несколько секунд они рассматривали друг друга: незнакомка сердито, он заинтересованно и оценивающе, – потом Крутов улыбнулся и получил ответную снисходительную улыбку. Девушку нельзя было назвать красавицей. Большегубая, большеглазая, глаза цвета морской волны с густыми и длинными ресницами, лицо продолговатое, с курносом носиком, грудь небольшая, но крепкая (и похоже, девица лифчик не носит), талия тонкая, ноги длинные, но полноватые... И все же присутствовал в ней некий таинственный шарм, проявляющийся не то во взгляде, не то в улыбке, в повороте головы, в жесте, который заставлял вглядываться в нее снова и снова и ждать откровения или чуда, а может быть, просто улыбки.

– Я вас видел вчера.

– Я вас тоже, Егор Лукич. А вы меня не узнаете?

Крутов пригляделся повнимательней и вдруг с удивлением понял, что перед ним повзрослевшая на семнадцать лет толстушка-хохотушка Лизка, дочь соседей Качалиных.

Когда он уезжал из Ковалей, ей едва исполнилось восемь лет.

– Елизавета? Ты же была... такой... такой кругленькой...

– Толстухой, вы хотите сказать? – засмеялась Лиза. – Как видите, кое-что изменилось, узнать меня трудно. А вы на побывку приехали, Егор Лукич? Надолго?

– Зови меня Егор, а лучше Горка, как прежде. Приехал же я скорей всего надолго, не меньше, чем на месяц. Так что заходи в гости, буду рад. Поговорим.

– Ой, непременно зайду, да и вы тоже не забывайте...

– Не забывай, мы же перешли на «ты».

– Ой, ну хорошо, Егор Лу... то есть Горка, – она снова засмеялась, – надо еще привыкнуть, Горка, уж очень ты... суровый и крутой, городской.

– Зазвонистый, как сказала бабка Аксинья. Ты где сейчас обретаешься? Работаешь, учишься?

– Уже год как работаю менеджером в одной брянской рекламной фирме, «Навигатор» называется, может, слышал?

– Я телеболвана смотрю редко. А что заканчивала?

– Рекламно-дизайнерскую академию в Москве.

– Глянь-ка, – удивился Крутов, – я ведь тоже там прописан. Были рядом, можно сказать, и ни разу не встретились. А куда это ты с утра на велосипеде? Я смотрю, это твой «национальный» вид транспорта?

– Удобно, – в который раз улыбнулась Елизавета, и от этой улыбки в душе Крутова тихо зазвенели какие-то чуткие струны. – Я здесь пейзажи снимаю, совершенно чудные, пригодятся для работы.

Только теперь Егор обратил внимание на лежащую на багажнике велосипеда коробку с видеокамерой «LG».

– Понятно. А не боишься заблудиться? Проводник не нужен?

Елизавета сморщила носик.

– Я с отцом здесь все чащобы облазила, не заблужусь. К тому же в лесу теперь стоит какая-то воинская часть, забор из колючей проволоки, дорогу асфальтированную проложили, говорят – прямо к Московской трассе. В общем, цивилизация стучится в наш медвежий уголок.

– Воинская часть еще не цивилизация, – хмыкнул Крутов. – Интересно, кто это решил загнать солдат в наши болота?

– До встречи, Егор Лукич, – устроилась в седле девушка. – Продолжайте свою кросс-прогулку, но не удивляйтесь, коль увидите перемены. Увидимся вечером.

И уехала. Взметнулся подол сарафана, открывая полные бедра девушки. Крутов постоял в задумчивом трансе некоторое время и рысцой направился к дому, теперь уже не огородами, а проулком и улицей. А возле коммерческой палатки с рекламой кока-колы на крыше, прятавшейся в тени раскидистой ивы, его окликнули:

– Эй, спортсмен.

Крутов притормозил, оглянулся. За палаткой стояли двое крупногабаритных молодых людей в майках и джинсах: угрюмоватые квадратные лица, короткие прически, бритые виски, у одного золотая серьга в ухе, у другого на груди и плечах цветные наколки – драконы и девы.

– Ты лучше обходи эту девочку стороной, – продолжал тот, что с серьгой. – А то неровен час с машиной твоей что случится.

– А-а, – потерял интерес к парням Егор, вспомнив известное изречение Вишневого: «Тебя сейчас послать или по факсу?» – но вслух произнес другое, повежливее: – Я гляжу, крутые вы ребята, и лбы у вас крепкие...

Не оглядываясь более, он свернул с проезжей части улицы на «тротуарную» тропинку вдоль забора и через минуту был дома, гадая, как его могли увидеть с Елизаветой эти двое. Разве что в бинокли. Или же у них есть наблюдатель, который следит за девчонкой и передает по рации своим хозяевам о каждом ее шаге. Егор усмехнулся, оценивая свою фантазию: «по рации», – и принялся обливаться водой и умываться, фыркая и ухая. Аксинья с крыльца наблюдала за ним с довольным видом, приготовив полотенце.

Вскоре пришел и Осип, в плаще и сапогах похожий на лешего, с лукошком грибов: молоденьких подосиновиков, подберезовиков, сыроежек и белых.

– Надо было меня с собой взять, – сказал Крутов, с завистью перебирая грибы. – Где брал? Вроде ж не сезон.

– У нас тут всегда сезон, а два дня назад дожди прошли, грех грибам не появиться. Да и мест грибных достаточно. Ты их и сам знаешь. Белые я собирал в основном в Еремином раменье¹³, за болотцем.

– А я в дубнячке за Добрушкой.

– Туда сейчас нельзя – запретная зона. Загородили колючкой, ни пройти, ни проехать. Ты уже умылся? Тогда пошли завтракать.

– Что еще за зона такая? – полюбопытствовал Егор, вытираясь. – И Лизка мне говорила – военные, мол, какая-то часть стоит.

– Лизка Качалина, что ль, дочь Ромки? Уже успел к соседям сбегать?

– Да нет, я ее у пруда встретил, не узнал, конечно.

– Она на велосипеде тут всю округу исколесила, снимает наши красоты деревенские на камеру. Вот и сходи с ней по грибы, сам убедишься, что в лесу чей-то лагерь разбит. Только сдастся мне, это не военные, больно тихо стоят. Ромка Качалин клянется, что слышал какие-то крики за проволокой, даже перепугался – страшные такие крики, смертные. Но как туда пройдешь? Вернулся, конечно. Я лично ничего такого не слышал, хотя стоит зона уже года три. А как тебе Лизавета-Лизка? Вытянулась-то как девка, прямо красавица! Ты-то себе зазнобу сердешную не завел? – Осип покосился на задумчиво покусывающего травинку племянника. – А то пригласил бы ее в гости.

– Я пригласил. – Крутов вспомнил двух крепких молодых людей, предупредивших его об опасности продолжения знакомства с Елизаветой. – Демьяныч, а кто это тут у вас палатку рискнул поставить? Возле гришанковской хаты?

– Приезжие, – потускнел Осип. – Старый Гришанок умер, а сын его дом продал, ну и приехали какие-то... рожи бандитские, поставили киоск, торгуют всякой всячиной. Четверо их, двое постарше, двое помоложе. Ни с кем особенно не общаются, живут довольно тихо, лишь изредка к ним откуда-то целая компания приезжает на черном автомобиле, в баню помыться. Одни мужики. Ромка грит – это точно из зоны, но я не проверял. Один из этой компании к Лизке захаживает, когда она к родичам приезжает по субботам-воскресеньям. – Осип прищурился, пытаясь прочесть на лице Крутова его мысли. – Но она его не сильно привечает.

– Понял я, понял, – улыбнулся Егор. – А не боишься, что они мне накостыляют?

– Пусть попробуют, – ухмыльнулся в усы старик, показав громадный свой кулак. – Они чужие тут, а у нас полдеревни – свояки да шурины.

– Хватит балакать, тары-бары растабары разводите, старый, – возникла на крыльце Акси-нья, – блины давно на столе стыннут. Идите завтракать, потом нагомонитесь.

Крутов послушно поплелся вслед за Осипом в дом и вдруг почувствовал на спине чей-то взгляд. Стремительно обернулся. По улице медленно шествовал, засунув руки в карманы, давешний молодой человек с кольцом в ухе. Отвернуться он не успел, поэтому демонстративно оглядел дом, сад, повернулся и так же медленно зашагал обратно.

¹³ *Раменье* – густой дремучий лес.

Брянск – Жуковка Воробьев

Панкрат еще спал, когда позвонил заместитель и сообщил о новом нападении мотобанды на автомашину, принадлежащую одному из известных брянских коммерсантов, известному тем, что на свой страх и риск построил заводик по производству пива и малоалкогольных напитков.

– Где это произошло? – хриплым со сна голосом осведомился Воробьев.

– В Овстуге.

– Что он там делал?

– Родители его жены живут там.

– Он один ехал или с охраной? – Панкрат бросил взгляд на часы: стрелки застыли на половине девятого утра. Спал он, таким образом, почти шесть часов.

– С женой, гувернанткой и ребенком. Он-то как раз уцелел, хотя и получил три пули, а жену, гувернантку и ребенка убили.

– Ясно. – Панкрат помолчал, приходя в себя, с силой провел по лицу ладонью, словно стирая остатки сна, и поднялся. – Ты где?

– Жду ребят, я их уже поднял.

– Что говорит милиция?

– А что она говорит в таких случаях? Разборки, мол, двух банд, хотя парень как раз не был замечен в связях с бандитами.

– За это, наверное, и убили: не поделился. Ждите меня за мостом, через полчаса буду. Поедем в район. Инструмент захватить не забудьте.

– Обижаешь, майор, – хмыкнул заместитель.

Зарядку делать Панкрат не стал, умылся только да выдул пол-литра кефира. Оделся, останавливаясь на пороге, разглядывая комнату и силясь вспомнить, не забыл ли чего. Эту квартиру он снял в центре Брянска, на улице Вербного воскресенья, четыре дня назад, однако ночевал здесь всего один раз и теперь считал, что сделал это напрасно. А с другой стороны, все время метаться по дорогам Брянщины было невозможно, следовало иметь пару помещений для офиса и отдыха, не считая базы для команды.

Базой они обзавелись сразу же после передислокации из Подмосковья в Брянскую губернию, выбрав заброшенное стрельбище в двух километрах от вокзала, выходящее краем пустыря к Десне. Починили ворота и забор вокруг стрельбища. Жили ребята пока у родственников Вити Баркова, бывшего подполковника московского ОМОНа, списанного по состоянию здоровья, ставшего заместителем Панкрата. Ему, как и Панкрату, недавно исполнилось тридцать лет, а в команду «асфальтовых мстителей», которую он предложил назвать отрядом «Час», что было аббревиатурой слов «чистый асфальт», Барков попал по наводке приятеля Панкрата из отдела кадров Федеральной службы безопасности: у бывшего подполковника дорожные бандиты убили сестру. Когда к нему пришли и предложили войти в отряд мстителей, он, прошедший школу Афгана и Чечни, согласился без колебаний.

Панкрат выгнал из сарая, приспособленного под гараж, свой «Лендровер», закинул в кабину сумку с костюмами спецназначения и оружием и выехал со двора, окруженного старыми пятиэтажками. А выезжая на площадь перед автовокзалом, вспомнил наконец, что забыл дома жвачку; он любил, чтобы от него пахло травами и мятой. Остановил машину у киоска и вылез.

– Здесь платная муниципальная стоянка, – подошел к нему немолодой прихрамывающий охранник в серой униформе.

– Сколько?

– Пятерка в час.

– Какие проблемы? – Воробьев достал два рубля. – Я всего на минуту, квитанцию можешь не выписывать.

Он выбрал в киоске мятный «Орбит», кинул в рот подушечку, вернулся к джипу и, уже садясь в кабину, обратил внимание на разыгравшуюся сцену. Невдалеке, через машину, сидел в бежевого цвета «БМВ» какой-то молодой мордovorот, стриженный под ноль, небритый, пузатый, и, судя по его реакции на появление сторожа стоянки, платить за стоянку он не собирался. Панкрат приоткрыл дверцу.

– Вы стоите уже больше часа, – говорил охранник заискивающим тоном. – Платите пять рублей.

– Шас, разбежался, – отвечал жирным уверенным голосом пузан. – Вали отсюда, хромой, не раздражай.

Панкрат подумал и вылез из кабины, подошел к «БМВ», возле которого топтался охранник, и, нагнувшись к окошку водителя, сказал с ласковым укором:

– Дядя у нас такой крутой? Платить не хочет? Здоровьем рискует?

– А ты кто такой? – вытаращился водитель.

– Я блюститель закона в этом конкретном месте, – доходчиво объяснил Панкрат. – Платить будем?

– Какой еще бя... блю?..

– ...ститель, – закончил Панкрат, повернул голову к опасно отодвинувшемуся сторожу стоянки. – Сколько времени он здесь торчит?

– Полтора часа.

– С тебя семь пятьдесят, – не меняя притворно ласкового тона, сказал Воробьев. – Гони, мальчик, копеечку и выезжай.

– Да я тебя... – пузан недоговорил, к машине подошли еще двое молодых людей в пиджаках и черных брюках, несмотря на жару, с деревянными лицами «деловых» людей. – Эй, Тимчик, а ну уговори мудака отойти от аппарата, наверное, пьяный или жить надоело.

Тимчик, широкий в плечах, но тоже с заметным брюшком, оглядел выпрямившегося Воробьева, обошел машину и шагнул к нему, вынимая из кармана пиджака черный пенальчик с металлическими рождками, в котором Панкрат с удивлением узнал электрошокер «павиан».

– Ну, долго будем надоедать уважаемым людям? – просипел Тимчик.

– А недолго, – вздохнул Панкрат, нанося два удара: ногой по голени и тыльной стороной ладони по морде парня.

Тимчик выронил электрошокер, ударился головой о дверцу «БМВ» и упал. Его напарник и водитель, вылупив глаза, смотрели то на своего приятеля, то на Воробьева. Вокруг стала собираться толпа, и Панкрат понял, что надо заканчивать спектакль. Светиться ему было не резон. Однако и проходить мимо проявлений беспардонного хамства не хотелось.

Вынув из кожаного чехольчика, крепившегося к ремню изнутри брюк, слегка изогнутый бакмастер¹⁴, он приставил его к шее водителя и сказал с нажимом, уже без ласки в голосе, не обращая внимания на дернувшемуся к нему второго молодчика, длинноволосого и смуглого:

– Плати, крутой, и мотай отсюда! Шутить я больше не намерен. Ну?!

Небритый пузан, побледнев, достал бумажник, вынул десятирублевую купюру. Панкрат взял ее и передал встрепенувшемуся охраннику, не верившему своим глазам.

– А теперь вели своим друшкам сесть в машину и жми на газ. В следующий раз плати сам. Договорились?

– Договорились... – пробормотал парень, включая двигатель.

¹⁴ Нож американской фирмы «Бакмастер», соединяющий в себе несколько инструментов.

Его приятель, держась за щеку, смерил Воробьева нехорошим взглядом, проковылял к машине, выставив вперед круглый, как у роженицы, живот, с трудом уместился на заднем сиденье. Машина уехала.

Мужчину портят три вещи, глубокомысленно подумал Панкрат, глядя ей вслед: алкоголь, шорты и брюхо. Молодые, а уже пузатые, как им себя в зеркале видеть не противно?

– Спасибо, – выдавил подошедший охранник. – Только вы с ними будьте поосторожней, это охранники местного авторитета Пашки Первицкого.

– Будь здоров, – отозвался Панкрат, садясь в джип. Вскоре он был за мостом через Десну, где его на двух машинах ждала команда «Час» во главе с Барковым.

– Ты же обещал приехать через полчаса, – влез в кабину джипа Барков, – а мы тут уже больше часа прохлаждаемся.

– Обстоятельства, – буркнул Панкрат, трогая машину с места.

Остальные машины двинулись следом.

– Что еще за обстоятельства?

Панкрат помолчал немного, прибавляя скорость, и рассказал об инциденте на площади у автовокзала.

– Что-то ты в последнее время слишком сентиментальным становишься, командир, – хмыкнул Барков, низкорослый крепыш с лицом пьяницы, – если уж начинаешь реагировать на такие мелочи.

– Это не мелочи, это проявление хамства, а хамство я с детства не терплю.

– Тогда давай вообще переквалифицируемся в народных защитников, будем чистить города и села от всякой мрази, раз государство с этим не справляется. Я даже книгу читал о создании такой команды «чистильщиков» под названием «Стопкрим».

– А что, – неожиданно согласился Воробьев, – это идея. Вот закончим разборку с дорожной мафией и создадим свой реальный «Стопкрим».

Заместитель, желавший всего лишь поиронизировать, промолчал. Он еще не научился различать, когда Панкрат шутит, а когда говорит серьезно.

– И в Брянске уже появились муниципальные стоянки? – пробормотал он. – Быстро идет прогресс. – Он усмехнулся. – Анекдот вспомнил столичный: частник поставил машину на Красной площади, милиционер кричит ему: «Вы что делаете?! Тут же правительство, президент!» А тот отвечает: «Ничего, у меня сигнализация и замки хорошие».

Панкрат улыбнулся.

– Любишь ты анекдоты с бородой. Подробности нападения в Овстуге выяснил?

– Я не дежурный УВД по области, подробности мне не докладывают. Известно лишь, что остановили машину молодцы на мотоциклах, стреляли с двух сторон, машина вся в дырках, как решето. Коммерсант вез немалую сумму денег, они исчезли. И я уверен, что без наводки здесь не обошлось. Так как банда орудует на дорогах Брянщины уже месяц и еще ни разу не попала, то у нее наверняка есть аналитики, контролирующие коммерческие и силовые связи, а также агенты в ГАИ и милиции.

– Добавь еще – и база. После каждой операции они куда-то прячутся, исчезают. Эту базу надо вычислить и уничтожить. Где они уже показали свои зубы?

– Да практически во всех районах Брянщины, кроме Жуковского, зафиксировано двенадцать нападений, сегодняшнее в Овстуге – тринадцатое.

– Кроме Жуковского, говоришь? Приятель наш как раз оттуда родом.

– Какой приятель?

– Что вчера отметелил байкеров в Выселках, Егором зовут. Видно, судьба у него такая – встревать в наши дела. О чем это говорит?

– Что судьба у него такая?

– Что Жуковский район пока бандой не тронут.

Барков помолчал. Джип выбрался из Брянска на Смоленское шоссе и увеличил скорость. – Одно из двух: или у банды база в Жуковском районе, или они наметили нанести удар по нему в последнюю очередь.

– Соображаешь, полковник. После Овстуга придется переключить внимание на Жуковку.

Через час они приехали в Овстуг и узнали подробности нападения мотобанды на машину коммерсанта. Удостоверение майора спецназа внутренних войск, имевшееся у Воробьева, действовало безотказно, тем более что объяснял он свой интерес к расследованию дорожных нападений поиском сбежавшего с оружием военнослужащего.

Бандитов было пятеро, одеты все были в черные комбинезоны, а вооружены автоматами («Калашников» с укороченным прикладом – судя по описанию свидетелей) и пистолетами-пулеметами «клин» отечественного производства. Действовали нагло и открыто: перегородили дорогу мотоциклами и открыли огонь, не потребовав документы, словно точно знали, кто едет и что везет. Куда потом делись, никто объяснить толком не смог, ни свидетели, ни милиция. План «Перехват», задействованный силами местного ОМОНа и милиции спустя час после происшествия, ничего не дал, да и немудрено: за час бандиты могли преодолеть около ста километров и залечь на базе до следующего мероприятия.

– Едем в Жуковку, – сказал Панкрат, оглядев хмурые лица своих гвардейцев, после того как они получили всю возможную информацию о нападении и собрались в лесочке за Овстугом, у какого-то ручья. – Либо действительно база банды находится в Жуковском районе, либо там они скоро выйдут на охоту. Витя, твое направление – милиция, ты у нас подполковник московского ОМОНа «в командировке».

Барков молча кивнул.

– Петро, тебе с группой придется поколесить по району, поспрашивать в деревнях и селах, не видели ли парней на мотоциклах.

Петя Ладыженский, бывший лейтенант-афганец, раненный в ногу и потому прихрамывающий, но не потерявший мастерства разведчика и бойца, также промолчал. Он был не из разговорчивых.

– Бандиты должны питаться и снабжаться боеприпасами, – продолжал Панкрат, – поэтому твоя задача, Тагир, объездить все базы снабжения в районе, в том числе военные. Давно известно, что армия торгует.

Тагир Темирканов, молодой дагестанец с красивыми усиками, поднял вверх сжатый кулак, показывая, что задание понял.

– Остальные вместе со мной займутся ресторанами района. Такие наглые твари, как эти убийцы на мотоциклах, наверняка любят потусоваться в своей среде, пофорсить, показать ловкость и силу. Жить будем в гостиницах, связь по рациям постоянная. Легенда у каждого своя, продумайте. Все понятно?

Мстители стали расходиться по машинам, все было ясно и без слов.

Ковали Крутов

Послеполуденный дождик прибил пыль, освежил воздух и слегка снял жару, что весьма положительно сказалось на настроении Крутова. В пять часов пополудни он зашел к соседям, где его встретили старик Качалин, совсем больной семидесятипятилетний Евграф, седой, как лунь, и отец Елизаветы Роман Евграфович, или, как его звал Осип, Ромка, которому скоро должно было исполниться пятьдесят лет. Это был худой, подвижный мужичок с ясным взором ястребиных глаз, не дурак выпить, малоразговорчивый и стеснительный в трезвом состоянии и неудержимо болтливый в подпитии. Уже через полчаса он был навеселе, рассказал кучу страшных историй о своей охоте на медведя, о встречах со стаей волкособак, потом стал требовать от гостя «откровенного мужского разговора», и спасло Егора лишь появление женского населения семьи Качалиных: дородной Степаниды, матери Елизаветы, и самой девушки, одетой на этот раз в юбку, открывающую ноги выше колен, и белую вышитую блузку, которую тут называли шемизеткой.

Посидев еще полчаса в компании Качалиных, Крутое перемигнулся со все понимающей Лизой, и они сбежали из гостеприимного дома Качалиных, сославшись на встречу с друзьями, что было не совсем правдой, потому что ни Егоровых одногодков, ни Елизаветиных в деревне практически не осталось. Все они поразъезжались кто куда и дома появлялись редко, как и сам Крутов. Однако у него в Ковалях оставалось достаточно родственников, которых он и навестил по очереди вместе с Лизой. Закончился этот поход – под прицелом глаз белобрысого молодого человека с наколками, бдительно охранявшего киоск, – у Крутовых на веранде, выходящей в сад, где Аксинья накрыла стол, приготовив роскошный по деревенским меркам ужин.

Осип сначала поучаствовал в распитии напитков, посмешил молодежь (хотя себя Крутов считал молодым относительно), порасспросил соседку о житье-бытье в Брянске, потом сослался на дела и ушел. Таким образом Егор и Елизавета остались одни, нимало не смущаясь этим обстоятельством. Егор везде чувствовал себя нормально, столичная жизнь и быт профессионального перехватчика террористов приучили его маскировать свои ощущения, играть любую роль, Елизавета же работала в такой фирме, которая за основу профпригодности брала такие параметры, как живость, контактность, ум и умение влиять на клиента. Влиять на клиента Лиза Качалина умела, Егор испытал это на себе.

– Ну что ж, господин Крутов, – заявила она, покрасневшая, сверкающая глазами, превратившаяся в прекрасную даму, – вы так мне ничего и не рассказали, где работаете и кем. Моя разведка донесла, что вы работали в каком-то спецназе и якобы уволились. Это правда?

Егор понял, что Осип уже проговорился соседу об его увольнении, подумал в сердцах: ах ты, болтун старый! Вслух же сказал:

– Яволь, фрейлейн. Все так и есть, как вы сказали. Разведка у вас на высоте.

– И что же, ты теперь безработный? – Глаза Елизаветы еще больше распахнулись, полные любопытства и участия.

Боясь окунаться в них надолго, Крутов поднял рюмку с ирландским сливочным ликером «O Casey's», – он привез пару квадратных бутылок без особой надежды на то, что его поймут в деревне, – пожал плечами и проговорил философски:

– Каждый благородный дон имеет право хоть раз в жизни побыть безработным.

Елизавета рассмеялась, лукаво взглянула на собеседника поверх своей рюмки.

– Мне говорили, что ты был женат. Не сошлись характерами?

Крутов с трудом сделал глоток, поставил рюмку, чтобы гостя не заметила, как у него задрожали пальцы. Сказал бесстрастно:

– Она погибла.

Елизавета перестала улыбаться, глаза ее потемнели, на щеки легла краска.

– Извини, я не знала... – Она посидела немного, глядя на Крутова странно, испытующе, накрыла его руку ладонью. – Прости...

– Ничего, все нормально. – Егор заставил себя успокоиться; было приятно чувствовать прикосновение пальцев и ладошки девушки, душа от этого замирала и мурлыкала. – Расскажи лучше о себе. Что ты рекламируешь? Чем вообще занимаешься в своей фирме?

– Начинала я с маркетинга, точнее, со стайлинга. – Елизавета сняла с его руки ладонь, закинула руки за голову и выгнулась, так что грудь ее рельефно обозначилась под натянувшейся блузкой, а у Крутова перехватило дыхание: лифчик девушка действительно не носила. Каждый жест ее почему-то кружил голову, и это было нечто новое в его отношении к женскому полу после гибели жены. Присутствие Ольги в свое время так на него не действовало.

– Стайлинг – это придание какому-нибудь изделию внешнего вида, соответствующего тренду современной моды, – продолжала Елизавета, словно не замечая состояния собеседника, – и психологии покупателя. Я неплохо рисую, и дизайн давался мне легко. Знаешь что, давай погуляем? Не хочется сидеть в такую погоду за столом.

– Давай, – согласился Крутов.

Они предупредили Аксиною, что еще вернутся пить чай, и по тропинке между огородами вышли к пруду, в котором когда-то молодой Крутов ловил рыбу и стрелял из самострела по лягушкам. Шел девятый час вечера, жара ушла окончательно, природа благоухала, пребывая в тишине и спокойствии, душа ждала какого-то чуда, и хотелось говорить стихами.

– В общем, стайлингом я занималась недолго, – вспомнила Елизавета о теме разговора, искоса глянув на задумчиво-умиротворенное лицо Егора, – в начале карьеры. Теперь я служу в отделе по работе с клиентами, разрабатываю полную рекламную концепцию каждого. Продолжать? – Лиза снова искоса посмотрела на Крутова.

– Очень интересно! – поспешно сказал он.

– Ну а в полную рекламную концепцию входит куча всякого рода брифов: рекламные цели, маркетинговые цели, общая целевая аудитория, исследование конкретных разработок, рынка вообще, выбор СМИ, разбивка бюджета по позициям, дизайн макетов, выбор времени проведения кампании и тому подобное. Кроме того, я ищу подрядчиков, устанавливаю контакты с видеостудиями, работаю с крупными модельными агентствами, даже с такими, как «Red Stars» и «Modus Vivendis». Все понял?

– Так точно! – вытянулся Егор, не моргнув глазом, потом подошел к воде поближе, разглядывая кувшинки в десятке метров от берега. – Но ведь для этого надо знать чертову уйму тонкостей!

– Главное – нужно знать Пи-Си компьютер вдоль и поперек, иначе не справишься ни с одним проектом.

– Ты знаешь?

Елизавета засмеялась.

– А как ты думаешь? Или мне вручили должность менеджера за красивые глаза?

Крутов оценивающе оглядел лицо девушки и серьезно кивнул:

– Я бы так и сделал. – Потом, не предупреждая, вдруг вошел в пруд по пояс, сорвал три кувшинки и вручил Елизавете. Ее широко раскрывшиеся глаза сказали ему, что она чувствует, и Крутов, толком еще не разобравшись в своих собственных ощущениях, не желая размышлять, что соединило его с девушкой, внезапно понял, что это судьба!

Их руки и губы встретились, поцелуй был таким долгим и нежным, что оба как бы растворились в нем, едва не задохнувшись, и лишь спустя несколько минут она тихо спросила, все еще прижимаясь к нему всем телом, так что он чувствовал сквозь ткань рубашки и блузки ее грудь:

– Ты не слишком спешишь, Крутов?

– Я опаздываю, – хрипло отозвался Егор, и девушка засмеялась, отодвигаясь, поправляя волосы, прижала кувшинки к лицу.

– Как давно я здесь не гуляла! С детства... Пройдемся?

Крутов послушно двинулся в обход пруда, остановился у полузатопленной коряги. Воспоминания обрушились на него, как лавина.

– Здесь меня укусила змея...

– Когда? Расскажи.

– Я тогда учился в Жуковке, жил у дядьки Ивана, а сюда приезжал на лето. Это уже в десятом классе случилось. Я ее не заметил, удочку закидывал, а она сидела под корягой. Ну и укусила. Знаешь, я боли не почувствовал, только поплыл куда-то, как от стакана самогонки. Хорошо, бабка Уля еще жива была, дала мне выпить трехлитровую банку молока, пошептала что-то, погладила, ногу разрезала... В больницу меня привезли без сознания, врач посмотрел, говорит: ну, этот не жилец... А я, как видишь, выжил.

Елизавета покачала головой, не сводя огромных глаз с лица Егора, погладила его по плечу.

– Видно, бабка твоя была целительницей, царство ей небесное! Ты у нее ничего не перенял? Каких-нибудь экстрасенсорных способностей?

Крутов подумал о своих возможностях, основанных на медитации и пробуждении сверхреакции, но говорить об этом не стал.

– Да нет, вроде бы нормален.

Елизавета фыркнула.

– Был бы нормален, не целовал бы ведьму. У меня в роду одни колдуны да ведуньи были, то сглаз лечили, то порчу снимали, то кровь заговорами останавливали. Даже мама умеет это делать.

– А ты?

– И я тоже. Уверен, что я тебя не околдовала?

Они вышли на поляну за прудом, окруженную березняком. За поляной начиналось болотце, где молодой Крутов когда-то собирал крапиву для подкормки домашних кур. Не отвечая на вопрос Лизы, он вслух медленно прочитал:

Я прогнал тебя кнутом
В полдень сквозь кусты,
Чтоб дожидаться здесь вдвоем
Тихой пустоты...

Елизавета оглянулась, недоумевающая и заинтересованная.

– Ты любишь Блока?

– Не то чтобы люблю, но знаю, у него есть замечательнейшие строки. Бальмонта уважаю, Верхарна, Рубена Дарио. А ты?

– Я деревенская девчонка, и вкусы у меня деревенские, поэтому я люблю Есенина.

Не жалею, не зову, не плачу.

Все пройдет, как с белых яблонь дым...

– Это хрестоматийное. Больше ничего не помнишь?

Крутов наморщил лоб.

Ты жива еще, моя старушка?

Жив и я, привет тебе, привет!

Елизавета покачала головой, засмеялась, хотя глаза ее затуманились, погрустнели. Вполне вероятно, она вспоминала сейчас какую-то не слишком веселую страницу своей жизни. Крутов так и не решился задать ей вопрос, как ей жилось и была ли она замужем.

– А вот это помнишь?

Где ты, где ты, отчий дом,
Гревший спину под бугром?
Синий, синий мой цветок,
Неприхоженный песок...

Крутов качнул головой.

– Читал, но не помню.

Лиза взялась рукой за ствол березы, обошла ее кругом, глаза ее стали и вовсе темными и печальными.

Зеленая прическа,
Девическая грудь,
О тонкая березка,
Что загляделась в пруд?
Что шепчет тебе ветер?..

Прервала себя, оборачиваясь к наблюдавшему за ней Егору.

– Что ж ты не спросишь, замужем я или нет?

– А это существенно? – осторожно сказал он.

– Конечно, нет, – со странным смехом ответила она, убегая вперед, касаясь берез ладошкой. – Но замужем я уже побывала и больше не хочу. Так что не зови.

Крутов не нашелся, что ответить, гадая, что на нее нашло, двинулся следом, потом побежал и встал у нее на пути. Однако обнимать и целовать не стал, тонко чувствуя ее настроение. Ее ресницы удивленно взлетели вверх, Лиза почувствовала его желание и одновременно железное самообладание, насмешливо оглядела его лицо.

– Ты сильный, Крутов, но, боюсь, и ты не в силах мне помочь. Ребят у киоска возле гришанковской хаты видел?

Егор кивнул.

– Один из них – брат моего бывшего мужа. Как и почему он оказался здесь и что делает, я не знаю, но проходу он мне не дает, следит... – Она передернула плечами. – Все пытается вернуть заблудшую овечку в загон брата...

– А ты?

– Я давно указала бы им на дверь, да боюсь. Муж замешан в каких-то криминальных делах, всегда приезжает с телохранителями, все надеется... даже тут меня достает, стариков моих уговорил... а я не могу на него смотреть!

– Чего же боишься, коли не любишь и в разводе?

– Не в разводе, Егор Лукич, в том-то и дело. – Елизавета отвернулась, смахивая повисшую на ресницах слезу, улыбнулась невесело. – Такие вот дела. А боюсь я не за себя. Полгода назад появился у меня ухажер, хороший парень, специалист по маркетингу, нравился мне очень... а они его подстерегли однажды и... в общем, калека он теперь, ходит без глаза...

Крутов подошел ближе, обнял девушку, осторожно вытер ей глаза кончиком платка, потом поцеловал оба.

– Как сказал бы Вишневский: не от хорошей жизни вас целую. Успокойся, все будет хорошо. Мой глаз твоему мужу не по зубам. А почему ты развод не взяла?

Елизавета глубоко вздохнула, улыбнулась, взяла его под руку.

– Не будем об этом. Всему есть причина. У него связи чуть ли не во всех властных кабинетах Брянска, мэр города его отец. Ни одно мое заявление до суда не дошло... В общем, Егор Лукич, не повезло тебе, брось-ка ты обхаживать Лизку Качалину, выйдет это тебе боком.

– Ну уж извини, этого не дождешься, не брошу!

Она остановилась, поворачиваясь к нему лицом, раскрывая глаза шире, и плавилась в них такая надежда и признательность, что Крутова шатнуло. Он притянул ее к себе, слабо сопротивлявшуюся, и поцеловал, как давно уже никого не целовал – до эйфорического головокружения. Наверное, он мог бы пойти и дальше, но, ощутив под руками упругую грудь и почувствовав, как Лиза вздрогнула, вовремя остановился. Воздушный замок, который он начал было строить в мечтах вопреки скептическому взгляду на жизнь, слишком легко можно было разрушить.

– Почитай мне Блока, – шепнула она, удивленная и испуганно-обрадованная его безошибочным чутьем ситуации и желанием не причинить ей боль, – то самое, что начал, про кнут.

Крутов с некоторым трудом разжал объятия, отстранился от Елизаветы, и они пошли по траве краем березняка, мимо болотца, переживая удивительное чувство взаимопонимания и единения, ощущая себя частью природы и влекомые тайной, соединившей их дороги. Девушка часто поглядывала на него, по-новому оценивая его жесты и речь, отмечая его выдержку, собранность, внутреннюю решительность, независимость, умение держаться и убеждать, наталкиваясь на его ответный взгляд, прямой, волевой и пронизывающий, и сердце ее замирало отчего-то и шептало на своем языке: он – не он... тук-тук... он – не он... Хотелось верить, что – он...

Крутов повторил прочитанные строки и, вспомнив стихотворение полностью, с выражением продолжил:

Вот – сидим с тобой на мху
Посреди болот.
Третий – месяц наверху —
Искривил свой рот.

Я, как ты, дитя дубрав,
Лик мой так же стерт.
Тише вод и ниже трав —
Захудалый черт...

Что-то изменилось вокруг, словно тень накрыла солнце, скатившееся к горизонту, хотя небо было глубоким и чистым, без единого облачка. Крутов замедлил шаги, остановился, уже поняв, в чем дело. Из-за кустов слева от болотца вышли навстречу трое парней, среди которых Егор узнал длинноволосого смуглого красавца с серьгой в ухе и белобрысого крепыша с наколками. Третий был в два раза шире каждого и напоминал двустворчатый шкаф, обзаведшийся короткими и толстыми ногами. Квадратная челюсть его вполне могла бы принадлежать гигантопитеку.

На всех троих были одинаковые рубашки защитного цвета с четырьмя кармашками и стоячим воротником – последний писк моды, серые джинсы и кроссовки «хард» с металлическими заклепками по всему канту. Почему-то именно они привлекли внимание Крутова. Такая обувь была одинаково удобна как для драки, так и для бега, и носили ее все спецформирования Министерства обороны. Парни явно не были обычной гражданской шпаной.

– Эй, спортсмен гребаный, – сказал смуглолицый абориген с серьгой в ухе, – мы тебя предупреждали по-хорошему. Что же это ты чужих замужних баб лапаешь и целуешь?

Елизавета вспыхнула.

– Гафур! Что вам здесь надо? Я не просила следить за мной!

– А тебе слова не давали, – наставил на нее палец белобрысый с наколками. – Сделай фокус – смойся с глаз, с тобой потом разбираться будем. Георгий будет очень недоволен твоим поведением.

– Я свободный человек! Борис, я требую!..

– Требовать будешь соску у мамы дома, иди, а мы тут поговорим с твоим хахалем.

Елизавета беспомощно посмотрела на Крутова, и тот успокаивающе погладил ее по плечу.

– Подожди меня у пруда, я скоро догоню.

Девушка, непрестанно оглядываясь, обошла троицу и остановилась за кустами, кусая губы и сжимая кулачки, решив посмотреть, что будет. Троица двинулась к Егору, заходя с двух сторон.

– Мужики, – проникновенно сказал Крутов, – лучше бы вам не связываться со мной. Человек я мирный, никому зла не желаю, но всегда готов ответить адекватно. В данном же случае все не так просто, как вам кажется. Девушка не желает жить с твоим братом, парень, и заставлять ее не стоит, и следить за ней не надо. Она действительно свободный человек. Ферштеен зи?

– Заткнись! – скривил губы белобрысый Борис. – Тебя предупреждали, ты не внял, теперь придется тебя слегка поучить. Не сможешь уехать отсюда сам, вызовем «скорую».

Крутов вздохнул. Его миролюбивое поведение воспринималось этими безмозглыми качками как проявление слабости, и убедить их в обратном можно было только наглядно. И все же первую атаку он пропустил.

Они бросились на него не всем скопом, а согласно тактике групповых действий (что говорило об их принадлежности к какой-то военизированной организации): длинноволосый Гафур отвлек его внимание, а Борис тут же прыгнул сбоку, довольно умело нанося удар ногой в живот Крутову.

Если бы не боевые инстинкты, срабатывающие помимо сознания Крутова, схватка могла бы закончиться для него плачевно. Однако, пропустив удар (ослабив его поворотом тела и напряжением мышц живота), он тут же захватил ногу белобрысого, рванул ее вверх и ответил ударом ноги в пах. После чего, заблокировав удары Гафура (кулак в лицо, кулак в шею), Егор применил «шат» – щелчок по носу снизу вверх, что мгновенно приводит к временному ослеплению противника, и от души врезал ему в грудь ногой. Смуглолицый с серьгой кубарем покатился по толстому ковру слежавшихся листьев.

Борису к этому времени удалось разогнуться, но бойцом он был уже никаким, удар по гениталиям – это вам не пощечина, и Крутов свалил его спиралью захвата-броска за руку через локоть. Оглушенный падением брат мужа Елизаветы выбыл из борьбы окончательно. Оставался шкафоподобный бугай с челюстью, напоминавшей отвал бульдозера, но его-то как раз Крутов боялся меньше всего, парень был громаден и ощутимо силен, но слишком малоподвижен, за полминуты с начала атаки на Крутова он успел всего лишь сделать два шага и посмотреть на своих упавших приятелей. У Крутова же в арсенале хватало приемов борьбы с такими гигантами. К тому же силой Бог его тоже не обидел. Егор мог не только гнуть пальцами гвозди, но и по часу висеть над пропастью на двух пальцах, зацепившись ими за ребро скалы.

– Может быть, ограничимся поклонами и разойдемся? – предложил Егор серьезно, не замечая на квадратном лице бугая следов размышления. Скорее всего этот тяжеловес думать не умел вовсе.

– Ты мертвец, – сообщил он, надвигаясь, неожиданно жидким по сравнению с массой и размерами тела голосом.

– Тогда тебе не понравится полный контакт с мертвецом, – хладнокровно отозвался Крутов.

Бугай ударил – одной рукой-кувалдой, потом другой. Каждый такой удар, наверное, мог бы свалить быка. Однако для мастера реального боя, которым был полковник антитеррористического подразделения ФСБ, опасности они не представляли. Егор просто ушел с линии атаки поворотом тела и одновременно врезал локтем в спину бугая ниже плеча, в район третьего ребра. Но и его удар не достиг цели. Гигант его почти не почувствовал, только сделал полшага вперед, пытаясь определить, куда девался его противник.

– Ну ты и бронепоезд! – с невольным восхищением проговорил Крутов, ощупывая занывший локоть. – Тебя, наверное, только гранатометом и можно взять!

– Егор! – вдруг крикнула видевшая драку Елизавета. – Сзади!

Но Крутов и сам почувствовал движение за спиной, упал вперед, спасаясь от удара палкой сзади, перекатился на бок, выполняя тэнкай – «круг нейтрализации», и уронил бугая ударом ноги под колено. Вскочил разгибом вперед (учитель называл этот прием «татаинагарэ») и успел перехватить еще один удар палкой.

Захватил руку нападавшего, выкрутил влево и вверх, церемониться не стал – вlepил ногой по гениталиям и Гафуру.

– Хватит, Егор! – снова окликнула его Елизавета.

Крутов остановился, оглядел поверженных соперников, из которых мог продолжать бой лишь мало получивший бугай с квадратной челюстью, вытянул навстречу ему растопыренную ладонь:

– Остынь, бронепоезд, защита хозяина – дорогое удовольствие, оправдывается редко.

– Оставь его, Хряк, – сквозь зубы прошипел Борис, вставая с явным трудом. – Мы с ним еще поговорим... по душам.

– Мадам, не улыбайтесь, это страшно... – пробормотал Егор и не спеша направился к вышедшей из-за кустов Елизавете, круглые глаза которой говорили сами за себя.

– Мне говорили, что ты в каком-то спецназе, но я не представляла...

– И не надо, – добродушно сказал Крутов, дотрагиваясь до саднящего места на животе, куда пришелся удар ногой Бориса. – Это совсем не так красиво, как подается в кинобоевиках.

От ее внимания не ускользнул жест полковника.

– Что это ты за живот держишься?

– Попал, каратист хренов. Пустяки, до свадьбы заживет.

Елизавета остановила его, заставила задрать рубашку, и Егор обнаружил у себя ссадину с темной полосой гематомы – след заклепки на кроссовке Бориса.

– Ерунда, не стоит беспокоиться.

– Давай полечу.

– Я же говорю, заживет...

Елизавета отняла его руку и положила на живот свою ладошку, закрыла глаза. Коже стало горячо, внутри мышц началось какое-то странное щекочущее шевеление. Постояв с минуту, Лиза несильно надавила на живот ладонью, потом прошептала что-то, пальцами второй руки погладила кожу вокруг ладошки, отчего по спине Егора пробежали приятные мурашки, и сняла ладонь. Крутов глянул на живот и не поверил глазам: ссадина и гематома исчезли!

– Ну как? – слабо улыбнулась Елизавета, открывая глаза.

– Ведьма! – искренне восхитился он, обнимая и целуя девушку так, будто они были в лесу одни. Ругань, шелест и возня проходящей в себя троицы не волновали уже ни его, ни Лизу.

В деревню они вернулись, когда совсем стемнело. Попили чаю вместе с Осипом и Аксиной, и Егор проводил девушку домой.

– Знаешь что, давай пойдем завтра по грибы? – вдруг загорелся он. – Дядька целую корзину белых и подосиновиков приволок, а я тоже места знаю.

– Почему бы и не сходить? – кивнула Елизавета, пребывая все это время в задумчивом состоянии; она вдруг поверила, что может окончательно порвать с прошлым и начать новую жизнь. Уверенность и мастерство Крутова произвели на нее сильное впечатление. Хотя сам Крутов в душе считал, что родственник и телохранители неведомого Георгия, мужа Лизы, могут пойти и на более эффективные меры вплоть до применения оружия, а воевать Егор ни с кем не хотел.

– Тогда встаем в шесть утра и в полседьмого выходим, я стукну в окно. О'кей?

– Ол райт, – засмеялась девушка.

В рассеянном свете фонаря, освещавшего киоск коммерсантов, загадочно и маняще блеснули ее глаза, Крутова с огромной силой повлекло к девушке, задыхаясь от чувств, не понимая, что с ним творится, он обнял ее, целуя лицо, шею, губы, грудь, и резко отодвинулся, уловив тревожный толчок сердца и удержав язык от признания в любви. Его остановил не рассудок, а некое высшее чувство, глубинное понимание сути явления, видение ауры девушки. Эти слова не следовало произносить под влиянием минуты, чтобы не разочаровать Елизавету впоследствии и не разочароваться самому. На ум пришли строки Константайна, потрясшие когда-то Егора:

Не раньте ангелов словами.
Они открыты, словно дети.
Дарите ласку им. За ней
И сходят к нам созданья эти...

И тогда она, женским чутьем угадав, что творится в его душе, сама обняла его и поцеловала...

Прервал их объятия и полет в астрале лишь скрип двери дома: отец Елизаветы вышел на улицу, чтобы посмотреть, кто стоит с его дочерью.

* * *

В семь утра они перешли по мостику через ручей, впадающий в маленькую тихую речку Добрушку, и углубились в лес, простиравшийся на десятки километров на север и восток Брянщины. Крутов был одет, как завязанный грибник, в спортивный костюм, ветровку, головной убор под названием панамы и кеды – вместо сапог; в руках он нес вместительную ивовую корзину и подаренный бетдаггер вместо грибного ножика. Елизавета, впервые увидев необычной формы нож, попросила его поносить, но Крутов дал ей всего лишь подержать «летучую мышь», способную резать, колоть и рубить.

На девушке были джинсы, футболка, ветровка, платок и сапожки, а корзину она несла вдвое меньшую – туесок из березовой коры.

Оба понимали, что поход за грибами лишь предлог побыть вдвоем, однако делали вид, что выбрались в лес, чтобы полюбоваться природой, насладиться ее вечным покоем и отдохнуть от городского шума, и обоим эта игра нравилась, будто к ним вернулись школьные годы, беззаботная и ветреная юность. Лиза взяла с собой видеокамеру, запечатлела на кассету переход Крутовым мостика, потом они поспорили, кто будет нести камеру дальше, поцелуй их помирил, и камера осталась у Елизаветы.

Обычно Крутов начинал грибные маршруты с березняка за болотцем на окраине Ковалей, однако на этот раз решил сразу повести девушку за Добрушку, в сторону Николаевки, где в дубовой роще всегда собирал боровики.

За речкой пошли смешанные березово-сосновые леса, сменявшиеся в низменных местах осинничками с кленами и дубками, где росли подберезовики и подосиновики. За час похода грибники набрали по полкорзины молоденьких красноголовиков, и настроение у обоих поднялось до возвышенно-мечтательного, умиротворенного, жизнерадостного. Забылись беды, невзгоды, неприятные встречи, заботы, рутинные дела, впереди маячила призрачная фигура птицы счастья, обоим было весело и хорошо, и поцелуи их, будоражащие душу и заставлявшие чаще биться сердце, были как бы прологом будущих наслаждений.

В девять часов вышли к Бурцеву городищу, и Елизавета долго снимала со всех сторон осевший, десятиметровой высоты курган, частокол заостренных бревен вокруг вершины, почерневших, но до сих пор не сгнивших, хотя возраст их перевалил за тысячу лет. А вот идол, венчавший вершину холма, к которому любил взбираться Крутов, исчез. И еще одна деталь неприятно поразила Егора – раскоп. За кучей валунов у подножия кургана виднелось целое поле свежевырытой земли площадью с волейбольную площадку. Складывалось впечатление, что подножие и часть склона холма перекопали любители старинных кладов.

Крутову вспомнился сон с человеческими руками, торчащими из разрытого кургана, и настроение его упало.

– Пойдем, – подошел он к увлеченной видеосъемкой, раскрасневшейся Елизавете, не отрывающейся от видеоискателя камеры. – Скоро станет совсем жарко, а мы еще не добрались до места.

Девушка с видимым сожалением закончила съемку, сменила кассету, и они углубились в чащобный елово-сосновый лес, который Осип называл ramenъem. Однако до дубовой рощи добраться им не удалось.

Сначала путь преградила асфальтовая лента дороги, о которой говорил Осип, что она будто бы ведет аж до Минско-Московской трассы. Выйдя на дорогу, Егор и Лиза посмотрели в одну сторону, в другую, потом друг на друга, и Крутов покачал головой.

– Чудеса в решете, да и только. Кому понадобилось класть асфальт по нашим болотам?

– Здесь недалеко начинается запретная зона, – задумчиво проговорила девушка. – Какая-то воинская часть стоит. – Она помолчала, теряя жизнерадостность. – Я слышала краем уха, что якобы это не то экспериментальный военный полигон, не то военная лаборатория.

– От кого слышала? – подозрительно прищурился Крутов.

– От деда моего, – отрезала девушка и, видя, что он готов обидеться, с неохотой добавила: – От Георгия слышала...

– А он откуда знает?

– У него очень широкий круг знакомств. – Лиза вдруг рассердилась. – Что ты меня пытаешь? Я передаю только то, что слышала.

– Дядька мне говорил, что к брату твоего мужа раз в месяц компания приезжает на крутых машинах, поразвлечься, попариться в баньке. Не отсюда ли?

– Ну что тебе до этого?.. – Елизавета замолчала, прикусив губу, потом прямо посмотрела на флегматически рассеянное лицо Егора, призналась: – Знаешь, я об этом не думала. Может быть, ты прав. Но что из этого следует?

– Да ничего особенного. Я просто размышляю вслух. Но чует мое сердце, странные дела тут у вас делаются. Ну, потопали дальше?

Они сошли с узкой асфальтовой ленты со следами протекторов (ездили на каких-то тяжелых машинах), углубились в лес, но через двести метров уперлись в забор из колючей проволоки высотой метров в пять. Он был двухрядным и добротным, сделанным надолго и прочно. Вместо столбов использовались стволы деревьев, вершины которых были спилены. И вдоль забора с той стороны Крутов увидел протоптанную тропинку, что говорило о наличии живой охраны зоны.

– Похоже, белых грибов нам сегодня не видать, – глубокомысленно сказал Крутов. – Но контора здесь устроилась серьезная, если судить по дороге и колючке. Сними-ка эту изгородь на пленку.

– Зачем?

– Пригодится когда-нибудь.

Елизавета послушно подняла видеокамеру, и в тот же момент слева, метрах в двадцати, раздался чей-то голос:

– Эй, телеоператоры, а ну прекращайте съемку!

По ту сторону изгороди зашевелились кусты акации, за деревьями замелькали тени, и на свободное от кустов пространство вышли двое угрюмого вида мужчин в пятнистых комбинезонах и беретах, с автоматами через плечо.

– Здесь снимать запрещено, – продолжал один из них, лобастый, темноволосый, с глубоко посаженными прозрачно-серыми глазами и морщинистым лицом. – Поворачивайте и валите отсюда подобру-поздорову.

– Кем запрещено? – полюбопытствовал Крутов, сразу оценив профессиональную подготовленность охранения: один прикрывал второго, а оба двигались по-особому гибко и свободно.

– Не твоего ума дело. Сказано – поворачивай значит поворачивай.

Второй, что шел сзади, худой и горбоносый, со впалыми щеками дистрофика, но жилистый и сильный, коснулся спины напарника и кивнул на нож в руке Крутова, который тот не успел спрятать. Они о чем-то заговорили, понизив голос, в то время как Егор и Елизавета, переглянувшись, начали отступление. Тогда морщинистолицый окликнул Крутова:

– Эй, малый, а ну подойди ближе.

– Зачем? – оглянулся Егор.

– Кидай сюда свой ножик.

– Иди, не останавливайся, – одними губами бросил Крутов девушке, сам же приостановился на секунду.

– А больше ты ничего не хочешь, лягушка пятнистая?

– Двигай сюда, я сказал! – Часовой заученным движением снял «Калашников» с плеча, поднял ствол и спустил скобу предохранителя. – Не то уложу на месте!

– Какой ты храбрый, – хмыкнул Крутов, подбрасывая бетдаггер с особой подкруткой, поймал нож и одним точным безошибочным движением воткнул его в чехол на поясе. – Может, посоревнуемся, кто окажется быстрее, ты или я?

Парни переглянулись, и в то же мгновение Крутов взял *темп* и исчез в кустах, догоняя ушедшую вперед Елизавету. Наверное, он произвел впечатление на сторожей за колючей проволокой, а может быть, они только пугали грибников, во всяком случае, стрелять вслед молодой паре они не стали.

– Зря ты их дразнил, – сказала девушка, когда они снова выбрались на асфальтовую дорогу. – Таким, как они, ничего не стоит убить человека.

– Здравсьте, – поклонился Крутов, – с какой это стати я должен был отдать им нож? И с какой это стати они открыли бы огонь по мирным гражданам? Партизанские войны в этих краях кончились еще в сорок четвертом году.

– В сорок третьем.

– Тем более. Кстати, куда ты так спешишь? Во-первых, мы не завтракали, во-вторых, не набрали боровичков. Я знаю еще одно место неподалеку, завернем туда...

Елизавета замедлила шаг, но не остановилась, лицо ее стало хмурым и озабоченным.

– У меня дурное предчувствие... – Она передернула плечами. – И оно меня никогда не подводило. Что-то случилось в деревне. Пошли домой.

– Ну вот еще! Что там может случиться?

– Я тебя прошу.

Егор подумал, молча догнал ее и ускорил шаг.

В Ковали они вошли в половине одиннадцатого, сразу увидев столб дыма посреди села: дымилась куча угля и золы, оставшаяся от коммерческой палатки. По деревне ходили потерянные жители, многие из них, в основном женщины, собрались возле гришанковской хаты, у которой были выбиты стекла. Во дворе дома стоял «уазик» «Скорой помощи», на земле лежал человек в окровавленной рубашке, а над ним склонились двое мужчин в белых халатах.

– Что случилось? – спросил Крутов у женщин возле соседнего дома, ища глазами своих, потом увидел на улице четкие следы колес и понял, что в деревне побывала банда на мотоциклах. С плачем к нему кинулась тетка Ксения, за ней подошла сестра Лида.

Через минуту он узнал, что Осипа и Аксиныю подстрелили подонки, ворвавшиеся в село, и что обоих уже увезла машина реанимации. Пострадали и коммерсанты: одного из них, смуглолицего Гафура, ранили в грудь и в ногу, второму – старшему из продавцов, проломили голову; именно он и лежал в палисаднике у дома. Бориса, брата мужа Елизаветы, в момент нападения в деревне не было, прибыл он буквально за минуту до возвращения Крутова и Лизы из леса и на их появление лишь бешено сверкнул глазами. Подходить к ним не стал.

– Когда они уехали? – спросил Егор, прижимая к себе плачущих женщин, вдруг понимая, что его план мирного отдыха на природе рушится на глазах.

– Еще девяти не было, – опомнилась сестра Лида, вытирая слезы.

– Я пойду к своим? – тихо проговорила Елизавета.

– Иди, – кивнул Крутов, добавил торопливо: – Расспроси там, что они видели. Сколько их было?

– Человек двадцать, – еле выговорила бабка Ксения.

– Семь или восемь, – покачала головой Лида. – Все такие черные, страшные... на таких огромных мотоциклах... полезли по домам, стали отбирать деньги, еду... Дед Осип шуганул одного, а дружки полезли в драку. Он за ружье, они за автоматы...

– А бабу Аксиныю как подстрелили?

– Ее не подстрелили, сильно побили. Она вступилась за деда... один ударил ее ногой, потом прикладом...

Крутов стиснул зубы. В голову шибануло волной ненависти, в глазах поплыл кровавый туман. Усилием воли он задавил ненависть, голова стала чистой и холодной. Не обращая внимания на причитания и вопросы бестолково суесящихся женщин, он быстрым шагом направился к дому и сразу же обнаружил, что колеса его «Рено» пробиты. Догонять бандитов было не на чем. Присев на корточки, Егор потрогал спущенные шины, выругался сквозь зубы и вдруг услышал шаги. Стремительно обернулся.

На него из-за свежесобранного стога сена смотрел светловолосый молодой человек, в котором он не сразу узнал нового знакомого, Панкрата Воробьева.

Жуковский район Воробьев

К обеду подразделение милиции и следователь Жуковской районной прокуратуры уехали, и деревня опустела. Женщины еще продолжали судачить о случившемся, но всех ждали дела, некормленная и недоеная скотина требовала забот, и сельчане разбрелись по домам, садам и огородам. Ковали снова превратились в идиллически мирную деревеньку конца двадцатого века, еще не исчезнувшую с лица земли, но уже постепенно приходящую в упадок по причине старения. Средний возраст ее жителей уже давно перевалил за пятьдесят лет.

После того как все следственные процедуры закончились, Крутов уехал на мотоцикле родственника в больницу навестить своих пострадавших дядю и тетю, и Панкрат остался один в его доме. Он ждал известий от своих разведчиков, помчавшихся вдогон за бандитами. В принципе он мог быть доволен своей прозорливостью, позволившей ему определить предполагаемый район удара банды и примчаться к месту происшествия буквально через час после нападения на деревню. Но столь открытое и наглое нападение заставляло задуматься, и Панкрат час просидел на веранде дома Крутова, размышляя над случившимся, пока не пришел к выводу: банда имела не только аналитиков, просчитывающих объекты операций, но и какую-то серьезную «крышу», позволявшую ей не слишком беспокоиться о возможных последствиях своих действий. Самыми же надежными «крышами» в данной ситуации следовало считать две конторы: милицию и армию. А поскольку милиция в последнее время, по данным разведчиков Воробьева, сама понесла потери в результате контактов с бандитами, предполагать ее участие в деятельности банды было трудно, хотя этот вариант и не исключался, и Панкрат переключил свое внимание на военные объекты района и области. В непосредственной близости от Ковалей располагалось три таких объекта плюс охраняемый склад ГСМ, разведчики отправились по адресам, и теперь надо было лишь ждать результатов разведки, сдерживая Крутова, который рвался преследовать банду и воздать каждому по справедливости.

В час дня из больницы вернулся хозяин, с виду сдержанно спокойный, хладнокровный и целеустремленный. Панкрат с удовольствием оглядел его ладную, сильную, мускулистую, хотя и не слишком накачанную фигуру, худощавое, узкое, замкнутое лицо с крутым лбом и умными, все понимающими, карими, с желтым блеском глазами, способными становиться теплыми либо ледяными, в зависимости от чувств. Этот тридцатипятилетний ас из спецгруппы ФСБ, вынужденный уйти в отставку из-за какой-то несогласованности и безответственности командиров, знал и умел многое и был отличным кандидатом в команду «Час», но Панкрат не хотел торопить события и удочку в этом направлении пока не закидывал. Все свое время, подумал он, в том числе и время собирать камни. Поинтересовался, имея в виду больницу:

– Ну, что там?

– Дядя потерял много крови, но выживет. Уже в сознании и пытается веселить больных и медсестер. У тети разорвана подвздошная сумка и сломано ребро, бил ее специалист, но в общем ничего страшного. Врачи там неплохие, поднимут на ноги.

– В Жуковке?

– Их отвезли в Фошню, тут рядом, в трех километрах. Год назад американцы построили в Фошне реабилитационный центр, вся губерния лечиться ездит. Узнал что-нибудь?

– Терпение, мой друг, терпение, разведка дело не быстрое, сам знаешь. К вечеру, я думаю, кое-что знать будем. С милицией больше не общался?

Крутов постоял возле веранды, поглядывая на дом соседей, потом с видимым усилием пошел к себе. Сказал на ходу:

– Разговаривал с дежурным в Фошне. Послал он меня...

– Ясно. Значит, ничего у них нет. Может, чаю попьем?

– Сейчас обедать будем. – Крутов появился через минуту переодетый в джинсы и такую же рубашку с короткими рукавами. – К нам никто не заходил?

– Кого ты имеешь в виду? – прищурился Панкрат. – Соседка приходила, тебя спрашивала. Симпатичная молодая аборигенка, очень сексуальная.

Крутов на словах «очень сексуальная» сдвинул брови, и Панкрат с усмешкой поднял руки вверх.

– Понял, понял, это она... губа у тебя не дура, Егор... э-э, как там тебя по батюшке? Лукич? Вкус у тебя почти безупречен, Егор Лукич.

– Она замужем.

– Ну, это делу не помеха... шучу, шучу, вижу, что у тебя серьезные намерения. Сходи к ней, успокой.

Крутов загремел чугунками и тарелками у печки, налил щей, нарезал хлеба, и вскоре они обедали на веранде, где было не жарко и свежо, несмотря на жару снаружи.

– Гаишника встретил... – проговорил Крутов как бы между делом, – на мотоцикле.

– Ну и что? – насторожился Воробьев.

– ГАИ у нас только в Жуковке, в села заезжает редко, а тем более – гоняет по лесным дорогам на роскошном «Харлее» с кучей прибабасов.

– Та-ак. – Воробьев отставил тарелку. – Ты думаешь?..

– Ничего не думаю. Он ехал из Петуховки и свернул на проселочную дорогу, которая скорее всего выходит за речкой на новую асфальтовую трассу.

– Понятно. – Панкрат достал рацию, щелкнул кнопкой. – Второй, я Первый, как слышишь? Прием.

– Хорошо слышу, Первый, – почти сразу же ответила рация. – Готов к докладу.

– Погоди с докладом. Прочеши-ка район Петуховки и лес севернее реки Добрушки на предмет выявления постов ГАИ. Как понял?

– Понял нормально, Первый, выполняю.

– Сразу после рейда ко мне.

Панкрат выключил рацию, снова принялся за еду.

– Подождем. ГАИ – тоже интересный вариант для создания «крыши». Кстати, знаешь, кто был первым на Руси гаишником? Соловей-разбойник. Он нес дозор на перекрестке дорог, свистел и грабил проезжающих.

Крутов на шутку не прореагировал, только поморщился.

– Еще что-нибудь заметил?

Крутов покачал головой, думая о своем.

– Никак не возьму в толк, почему они действуют так нагло. И почему в качестве объекта для нападения выбрали Ковали, маленькую деревушку с единственным коммерческим ларьком. Всего-то и взяли – ящик водки, консервы да пару тысяч деревянных...

– Все дело в «крыше», Егор. Есть у меня кое-какие версии на этот счет, сейчас они проверяются. Не гони лошадей, подождем. Вспомни китайскую стратегию номер шестнадцать: если хочешь схватить, прежде дай отойти.

Крутов промолчал, с видом флегматика доедая щи. В свое время он изучал китайские стратегии – тридцать шесть китайских секретов успеха в воинских делах, поэтому знал точное значение стратегии номер шестнадцать, но говорить об этом не стал. А Панкрат вдруг ощутил, насколько напряжен его новый приятель. Подумалось: если бы не я, парень уже разыскивал бы бандитов сам.

– Как ты думаешь, как у них поставлен дележ добычи?

– Что? – не сразу понял вопрос Егор. – Львиная доля небось идет жожаку. Зачем тебе это знать?

– Да просто любопытно, – хмыкнул Панкрат. – Знаешь, как у русских казаков делилась военная добыча? Лишь одна десятая шла царю, то есть главному «вожаку», такая же доля отходила храму, еще одна десятая самим казакам и семь десятых – вдовам и сиротам.

Крутов непонимающе уставился на Воробьева.

– Ты к чему клонишь?

– Просто анализирую. У бандитов, конечно, расклад иной. Да перестань ты копать в себе самом, возьмем мы этих лихоимцев, возьмем.

– Я не сомневаюсь. – Егор собрал посуду и через минуту вышел из дома. – Я сейчас.

Панкрат посмотрел, как он заходит к соседям, и понимающе усмехнулся. Если бы у него был такой раздражитель под боком, как соседская дочь, он тоже вряд ли усидел бы дома и остался спокоен, как скала.

Крутов вернулся через полчаса, а вслед за ним приехал на джипе Барков, координирующий действия разведчиков. Панкрат познакомил их, и все трое уединились не на веранде, а в спальне Егора, будто это гарантировало их от прослушивания.

– Они нигде не засветились, – сообщил бывший подполковник, с любопытством приглядываясь к хозяину дома. – То есть ни в одном селе их не видели!

– И о чем это говорит? – отеческим тоном осведомился Воробьев.

– О том, что у них где-то здесь недалеко база.

– Предположения, версии?

– Военская часть. Некоторые следы мы все же обнаружили. Километрах в пяти от деревни проходит хорошая асфальтовая дорога, Родик понюхал ее и определил, что по ней недавно проехала группа мотоциклистов. А деваться им, кроме как на территорию воинской части, некуда. Я оставил там ребят, они понаблюдают за солдатами и доложат, если обнаружат интересующие нас объекты.

– А если нет?

– Тогда остается другой вариант: болота. Но для их прочесывания у нас нет никаких средств. В первую очередь нужен вертолет, во вторую собаки.

– Погодите, – вмешался внимательный Крутов. – О какой воинской части речь? Тут их как минимум три. На одну я сегодня напоролся с... со спутником, когда ходил по грибы, расположена километров в пяти на север.

– Эта на западе. Судя по всему, там стоит радиотехнический батальон.

Крутов повернул голову к Панкрату, отрицательно качнул головой.

– Вряд ли банда прячется на территории батальона... если только он не липовый.

– Не липовый вроде, все чин по чину: локатор, куча антенн, КПП, охрана.

– Тогда их там нет. Настоящая армия не потерпит криминальной связи с байкерами. Поищите следы в зоне на севере. Оч-чень странная территория. Охраняется, как государственная граница, но при этом часовые не носят знаков отличия на форме.

Панкрат и Барков переглянулись.

– Да оставил я там двоих, оставил, – пожал плечами зам Воробьева. – На всякий случай. Но все же считаю... – он не договорил, запищала рация. – Слушаю, Второй.

– С территории зоны два выехал гаишник на мотоцикле, – доложил наблюдатель.

– Куда направился?

– На восток, в сторону Николаевки.

– Один за ним, на цыпочках, второй – продолжать наблюдение за зоной.

Барков выключил рацию, посмотрел на собеседников; оба насторожились и напряжились.

– Один мотоциклист только что выехал с территории северной зоны. В форме инспектора ГАИ.

– Едем? – встал с кровати Крутов.

– Не спеши, – мягко возразил Панкрат. – Необходимо действовать наверняка.

Крутов мгновение смотрел в пол, излучая нетерпение и недружелюбие, не направленное, впрочем, на гостей, потом расслабился и расправил плечи.

Прямо ли, криво ли вижу,
Только душой киплю.
Так глубоко ненавижу,
Так бескорыстно люблю!

– Стихи твои? – уважительно проговорил Панкрат.

– Некрасова, – усмехнулся Крутов. – Ладно, ждем. Что-то я сегодня несобран. Чаю хотите? Могу кофе сварить. А у дядьки в погребе десятилитровая бутылка медового квасу стоит. Принести?

– Давай, – кивнул Панкрат.

Когда Егор принес всем по кружке исключительно вкусного холодного кваса, наблюдатели Баркова сообщили, что гаишник на мотоцикле свернул к складу ГСМ, а из зоны на севере выехали еще два мотоциклиста.

– Они! – поднялся Панкрат. – Чует мое сердце, это они! Собирай команду, Витя. Не трогай только Жуковских, пусть контролируют милицию.

К складу горюче-смазочных материалов, расположенному в шести километрах от Фошни, на берегу небольшой речушки Березны, команда Панкрата подъехала к пяти часам дня. Разведчики уже обосновались там, наблюдая за территорией склада с двух сторон.

– Мотоциклисты в наличии, – сказал один из них по имени Родион, высокий, как жердь, и такой же худой. – Еле устерегли. Гоняют по буеракам, как на соревнованиях, только треск стоит. Хорошо, что дороги здесь петляют, словно кишки в животе.

Панкрат взял у него бинокль, высунулся из-за елового молодняка на пригорке, откуда склад ГСМ был виден как на ладони.

Территория склада, обнесенная двумя рядами колючей проволоки, была невелика – сто на сто метров, и вмещала всего четыре штабеля металлических бочек, три цистерны, одна из которых была врыта в землю, небольшой автопарк в четыре военных заправщика, плюс старенький «газик» по прозвищу «козел» и две новенькие машины: «Газель» и «бычок». Кроме того, здесь имелись: караульное помещение, вышка с часовым, небольшое кирпичное строение без окон, низкий деревянный барак и совсем маленький, на две комнаты, домик комендатуры, где жил комендант склада, пожилой старлей. Мотоциклы «гаишника» и его приятелей стояли возле этого домика.

– Часовых трое, – пробубнил Родион в спину Панкрата. – Один на вышке, двое у ворот. Контингент еще тот – все в дымину! Можно брать голыми руками. Смена дожидается своего часа в караулке – трое. Двое водил ковыряются в моторах на площадке. Кроме коменданта, в его халупе находятся две женщины. Плюс мотоциклисты.

Панкрат передал бинокль Крутову.

– Поразмяться с девочками приехали. Непостижимо высоки ндравы в родной армии! Что скажешь, Лукич?

– Никакой стрельбы! – тихо сказал Егор. – Эти пацаны не виноваты.

– Обижаешь, полковник, – развел руками Воробьев. – Возьмем всех без шума и пыли, тихо и живыми. Мы еще не озверели до степени противника. И я далеко не убежден, что в клетку попались те самые птички, что грабили твою деревню.

– Солдаты – твои, мотоциклисты – мои.

– Как скажешь, начальник. – Панкрат, не глядя на подчиненных, поднял вверх ладонь и сжал ее в кулак. Жест этот был понятен всем, в том числе и Крутову. Началась операция захвата часовых.

В другое время Панкрат дождался бы темноты и разоружил солдат в секунды, но в нынешнем положении не было уверенности, что приезжие останутся здесь до ночи, приходилось действовать днем, уповая только на выучку «мстителей».

Всего отряд Воробьева насчитывал девять человек, включая и разведчиков-наблюдателей. Однако малая численность состава компенсировалась профессионализмом каждого члена отряда, каждый из них когда-то работал в органах или был ветераном спецслужб. Двое из них, одетые в пятнистые спецкостюмы, спустились к реке и вплотную подобрались к вышке с часовым, который изредка присасывался к бутылке пива, делал три-четыре шага по периметру своей «мечети» и садился на пол. Еще трое подползли к проволочным воротам с красными звездами на створках. Где-то на задворках склада тарахтел движок, взревывал двигатель одного из заправщиков, что облегчало задачу.

Часовых сняли за несколько секунд.

Ударом ноги Барков распахнул ворота, сорвав замок, а его напарники мгновенно скрутили обалдевших солдат, находившихся в состоянии опьянения и не успевших сообразить, что происходит, заткнули им рты и связали. В то же самое мгновение те, кто стерег часового на вышке, дождались, когда он встанет на ноги, чтобы «обозреть окрестности», и одновременно метнули самодельные игадама¹⁵, в качестве которых использовались трехсантиметровые стальные шарики, вынутые из шарикоподшипников нефте-насосных механизмов. Метили, конечно, не в голову – такой шарик мог свободно убить человека, – а в шею, но промахнулись: один шарик попал в плечо часового, другой в челюсть. Правда, этого оказалось достаточно, часовой отшатнулся, сломал перила вышки и кувыркнулся вниз. Остальная команда Воробьева точно так же технично и тихо обезоружила сменное отделение охраны и успокоила водителей, копавшихся у своих машин. Вся операция по захвату территории склада длилась четыре минуты. Крутов вынужден был признать, что его «витязи» вряд ли сработали бы лучше. Никто из охраны, руководства и гостей склада ГСМ не ожидал нападения. Они были хозяевами здешних лесов и болот и никого не боялись.

К домику комендатуры Панкрат и Егор подкрались с двух сторон, стали по обе стороны двери, прислушиваясь. Из одной комнаты доносились понятные всем стоны и охи: там занимались любовью сразу две пары.

В другой разговаривали двое мужчин, с хохотом перебивая друг друга.

– И тут она нагибается, – басил один, – и я вижу трусики красного цвета. Представляешь?

– Такая строгая дама, жена полковника – и в красных? – визгливо отвечал второй. – Никогда бы не подумал. Ну а ты что?

– А я делаю вид, что поднимаю с пола авторучку, и разглядываю ее задницу...

– Счастливые люди, – раздвинул губы в презрительной полуулыбке Панкрат. – Какие красоты природы они видели! И как умеют их описать!

Крутов легонько толкнул оказавшуюся незапертой дверь и вошел в помещение. Двое собеседников, сидевших за столом с початыми бутылками водки и закусками, замолчали и вытаращились на него. Один был толстый и обрюзгший, с жабьим лицом, с залысинами и редкими волосами на круглой голове; на нем мешком сидела кургузая полевая армейская куртка с погончиками старшего лейтенанта. Видимо, он и представлял собой местную власть, коменданта.

Второй щеголял в мундире инспектора ГАИ, и Крутов сразу узнал в нем морщинистого стража зоны, встреченного им с Лизой во время похода за грибами. Этот был опытной

¹⁵ *Игадама* – «металлические каштаны», метательные снаряды ниндзя.

и намного опасней хозяина, заведующего охраной и выдачей горюче-смазочных материалов. Одно мгновение он переводил взгляд с Крутова на вошедшего следом Панкрата и вдруг метнулся к автомату, стоящему в углу помещения.

До автомата дотянуться он не успел, наткнувшись лицом на ногу Крутова. Удар отбросил его к столу, зазвенела сбитая на пол посуда.

Комендант склада привстал было со стула, багровея и силясь сообразить, что происходит, открыл рот. Егор навел на него указательный палец и сказал:

– Сидеть!

Старший лейтенант закрыл рот и сел.

Крутов шагнул вперед и перехватил выпад «гаишника», целившего носком сапога ему в колено. Ответил рубящим блоком и хлестко шлепнул его ладонью по уху. Охнув, морщиностолицый ударился спиной о стену и, зажав рукой ухо, остался в таком положении, глядя на гостей мрачным, но отнюдь не испуганным, волчьим взглядом.

Звуки горячей любви за стеной стихли.

– Я сейчас, – шагнул к двери в комнату Панкрат.

Мгновение там стояла тишина, потом раздался удар, грохот, треск, звон стекла и визг женщин. Одна из них, совершенно голая, вылетела в первую комнату со столом, оглядела всех присутствующих расширенными глазами и метнулась обратно.

– Тихо! – рявкнул Панкрат.

Визг и крики стихли.

– Лечь и молчать!

Шорох простынь, поскуливание, стон кроватей и тишина. Воробьев вышел из спальни с двумя автоматами, пистолетом и дубинками, собрал остальное оружие, кивнул.

– Все в порядке. Можно начинать допрос.

– Ты вожак шайки, напавшей утром на деревню? – тихо спросил Крутов.

– О чем ты? – криво усмехнулся «гаишник».

– Отвечать только «да» или «нет», – не повышая голоса, так же внешне спокойно продолжал Егор. – Я тебя узнал. Утром ты охранял зону за колючкой. – Егор показал бетдаггер. – Узнаешь? Он тебе очень понравился. Так вот, в девять утра ты еще был охранником, а после полудня стал инспектором ГАИ. Мотоцикл у тебя такой же, как и у твоих поделщиков, и точно на таких же прибыли бандиты. Ход рассуждений понятен?

– Позвони в ГАИ, – продолжал криво ухмыляться «инспектор». – Там тебе подтвердят, кто я.

– Позвоню в свое время, – кивнул Крутов. – Заканчиваю. Ты живешь в зоне, и банда после нападения смылась туда же, почему ее и не обнаружила милиция.

В рабочее время вы – военнотружущие, хотя это еще вопрос, в свободное время вы – бандиты, ради развлечения грабящие и убивающие людей. Доказывать я ничего не буду, я не следователь, поэтому будь пайнкой, отвечай на вопросы точно и быстро. Ты командовал бандой во время налета?

– Ребята, вы, наверно, не понимаете, во что вляпались, – перестал кривить губы морщиностолицый, опуская руку и поправляя китель; глаза его злобно сверкнули. – Да вас через час вычислят и похоронят так, что никто никогда не найдет!

– Не в кургане часом? – простодушно поинтересовался Крутов, по наитию решив проверить реакцию мотоциклиста.

Тот вздрогнул, отшатываясь и бледнея, шире раскрывая глаза, и внезапно сунул руку за борт кителя. В ту же секунду Крутов оказался рядом и приставил к горлу «гаишника» нож. Затем левой рукой вытащил из-под мышки пистолет – отечественный девятимиллиметровый «дротик», кинул через плечо Панкрату, покачал головой.

– Интересно ты реагируешь... инспектор... Не твоя ли банда разрыла курган на Бурцевом городище?

Морщинистолычий сглотнул, глаза его остекленели.

– Время, – негромко сказал Панкрат. – Коли его по делу.

Крутов отнял нож.

– Отвечать будешь?

«Гаишник» молчал. Лицо его покрылось крупными каплями пота, словно внутри его происходила какая-то борьба.

– Я принесу паяльную лампу, – предложил Воробьев. – Жареные яйца очень помогают выяснять истину.

«Гаишник» дернулся, ненавидяще глянул на Панкрата, потом на Крутова, прохрипел:

– Вы покойники...

Егор шлепнул его тыльной стороной ладони по щеке, отрезвляя.

– Думать уже можешь? Вот и отлично. О зоне я с тобой поговорю в следующий раз. А сейчас меня интересует другое. Вопрос первый, причем задаю я его в последний раз: ты вожак банды?

– Нет, – с видимой неохотой ответил «инспектор». – Он на...

– На базе?

Глаза пленника сверкнули. Он действительно не боялся допроса и человеком был сильным.

– Да.

– Базой является воинская часть за колючкой?

– Воинская, – покривил губы «инспектор».

– Что за база? Какому ведомству принадлежит? Министерству обороны, ГРУ, ФСБ?

«Гаишник» сузил глаза.

– Да кто ты такой, черт возьми?!

Крутов замахнулся. Пленник вжался спиной в стену.

– Ведомство?

– Пошел ты?.. – Глаза пленника снова начали стекленеть, и эта его нестандартная реакция на стандартные, в общем-то, вопросы заставила Крутова насторожиться. Парень не нехотел говорить – не мог.

Удар по щеке – глухой стук затылка о стену.

– Ну?!

– Я же сказал...

– Ну его к хренам, – проворчал Панкрат. – Некогда выяснять, что за секретная часть прячется в лесу.

За стеной послышалась какая-то возня, стук, вопль и падение тела. Воробьев на это и бровью не повел. Сказал спокойно:

– Все нормально, это мои орлы вернули наших мотодрузей, сбежать, наверное, хотели через окно. – Он резко наклонился к бледнеющему «инспектору». – Кто главарь банды?! Имя?!

– Дима... Чабан...

– Кто участвовал в нападении на деревню?

– Не знаю.

Панкрат воткнул палец в кадык «инспектора», тот закатил глаза от боли, но быстро пришел в себя.

– Повторяю: кто был в команде налетчиков?

– Я не интересовался, – «гаишник» заторопился, видя сдвинутые брови Воробьева. – Знаю только троих: Петуха... Петухова, Харчука и Силкина. Петух здесь. – Он кивнул на спальню.

Панкрат вышел в соседнюю комнату и вскоре вернулся с голым мужиком, тощим и нескладным, со впалой грудью, с рыжей порослью на подбородке, которую трудно было назвать бородой, и крупным носом, действительно напоминавшим клюв. Грива у него зато была выдающаяся, рыжая, пышная, хотя и неухоженная, грязная. Кличка Петух ему вполне подходила. Прикрывая гениталии руками, он просеменил на середину помещения и быстрым взглядом исподлобья оглядел присутствующих. Панкрат вернулся в комнату с девицами, принес черные кожаные штаны, бросил на руки Петуху.

– Надевай. Ты был в деревне утром?

Петух снова оглядел допрашивающих исподлобья, облизнул губы, посмотрел на «гаишника» с красными пятнами на щеках от пощечин, и Панкрат поразился тому, как эти два разных человека похожи, особенно волчьими взглядами. Шагнув вперед, он легонько стукнул рыжего по затылку.

– Повторить вопрос?

– Не надо, – заторопился Петух, постоянно облизывая узкие бледные губы. – Я был... не один... я ничего... никого не трогал... только водку взял...

– А кто трогал?

Взгляд на «гаишника», тусклый блеск в глазах, короткая заминка, и тут же новый щелчок по затылку: Панкрат был неплохим психологом и не хотел упускать инициативу.

– Не тяни время.

Крутов резко шагнул к мотоциклисту, так что тот отшатнулся, взял его за шею и приблизил его лицо к своему, глядя, как у парня расширяются зрачки:

– Кто стрелял в деда и бил старуху?! Быстро!

Петух вдруг натурально заплакал, рухнул на колени, глядя на Крутова снизу вверх.

– Не убивайте меня, у меня дети... мать больная, я не стрелял, не убивайте... дети...

– Тьфу! – сплюнул Панкрат. – Таких подонков надо убивать еще до того, как они обзаведутся потомками. В крайнем случае кастрировать. – Он присел возле плачущего бандита на корточках. – Успокойся, мразь, не будем мы тебя убивать, только покалечим маленько... чтоб на мотоцикл не смог больше сесть. Кто стрелял в деда, если не ты?

– Серый... Боб... то есть Борис Силкин... а кто старуху бил, не знаю, может, Харчо... Киса Харчук...

– Бреешь, сучара! – донеслось из спальни, и на пороге возник еще один любитель сексуальных утех, плотный, низкорослый, с широким плоским лицом, на котором выделялись маленькие глазки-буравчики. Затылок и виски у него были выбриты, а посреди головы проходил колючий гребень коротких волос.

– Это же ты ее ударил, сначала в грудь, потом ногой в живот! На кого свалить хочешь, падла?!

Последующие события произошли в течение долей секунды.

Рыжеволосый вдруг взвился в воздух прямо с колен, как пружина, увернулся от руки Крутова, схватил со стола нож и метнул в своего приятеля: взмах руки, бросок – и нож вошел в шею широколицего. Удар этот назывался дзигаи и выполнен был мастерски. Но больше ничего сделать Петух не успел. Панкрат ухватил его за плечо, развернул к себе и растопыренной ладонью ударил в лицо, вплющивая в него нос. Рыжеволосый обмяк, теряя сознание.

Потеющий от избытка переживаний комендант склада привстал было, расширенными глазами глядя на лужу крови, расплзавшуюся под убитым, но тут же сел.

Воробьев поймал взгляд Крутова, говоривший: и что теперь? – кивнул на дверь. Они вышли.

– Что дальше? – угрюмо пробормотал Егор.

– Следовало бы повесить всех троих, – серьезно сказал Воробьев, – но я не палач, безоружных не убиваю. Попробуем поугатать мерзавцев, чтобы они призадумались, стоит ли и

дальше бандитствовать на дорогах. Однако, судя по всему, это «отморозки», причем опирающиеся на секретную базу. Им на все наплевать, в том числе на собственную жизнь.

– Но он же убил своего!..

– Ну и что? Это еще раз подтверждает мои слова. Будешь говорить с этим «инспектором»?

Крутов подумал и качнул головой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.